Татьяна
ВЕДЕНСКАЯ
ЗЕЛЕНЫЙ
ПОДЪЕЗД
ЭТОТ РОМАН ИЗ ТЕХ, ЧТО НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ.
ДМИТРИЙ БЫКОВ

Татьяна Веденская

Зеленый подъезд

«Автор»

2011

Веденская Т.

Зеленый подъезд / Т. Веденская — «Автор», 2011

Отношения – это всегда непросто. Михаил обожает свою жену Алису, но она почему-то отгораживается от него, уходит в себя. Супруг понимает, что с ней что-то не так. Однажды он находит несколько тетрадных листков, исписанных ее нетвердым почерком. Из них понимает, что с любимой произошло что-то ужасное. То, что она до сих пор не может пережить. Но что именно случилось, а главное – что делать? Пробиться через стену молчания невозможно. И Михаил решается показать Алисин дневник профессиональному психологу. Вдруг тот сможет пролить свет на ее прошлое и дать добрый совет. Но все оказывается гораздо сложнее, чем можно себе представить.Книга также выходила под названием «Вся правда».

© Веденская Т., 2011
© Автор, 2011

Содержание

Несколько тетрадных листков 5
Из разговора с психоаналитиком 11
Часть I 14
Глава 1 14
Глава 2 22
Глава 3 29
Глава 4 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Татьяна Веденская
Зеленый подъезд

Памяти моего погибшего мужа Сергея

Посвящается моим родителям с благодарностью за подаренную мне жизнь

Несколько тетрадных листков
День Y

Он утонул как раз в тот день, когда я узнала, что беременна. Вернее, не узнала, конечно, а только почувствовала. Заимела такое дурное предчувствие, глядя на непочатую уже непонятно сколько времени пачку с крылышками. После того как он утонул, я не могла спать несколько недель, мне все снилось, как он летит, потеряв равновесие, в черные густые воды Невы. Непонятно, зачем сделаны на набережной эти странные портики, с которых и не захочешь, а грохнешься. Тем более, зимой, когда кругом лед и слякоть. В ночь на шестое января, когда он утонул, на термометре высвечивалось плюс три. Если бы были морозы, если бы только были морозы, он остался бы жив. Но Нева не заледенела полностью, у берега ее вода только еще больше почернела, загустела наподобие подсолнечного масла и плескалась на ветру, заливая гранит портика. Если бы ее сковало льдом, Эдисону некуда было бы падать, бестолково размахивая руками. Если бы, если бы, если бы… Их так много, настолько много, что можно до бесконечности крутить их в голове, нагнетая иллюзии, что от этого что-то изменится. Ничего подобного. Он уже утонул. Конец. Его смерть останется только в памяти, моей и Лекса, и все же, на тот случай, если я когда-нибудь рискну забыть этот день и решить, что все у меня прекрасно, я оставлю себе это напоминание. Тоненькая тетрадка, собрание моей боли. Хранилище моей смерти, пусть несет память на бумаге, если моя исчезнет в сумерках пропащей жизни. Итак… День Y. День второй. Мы гуляли. Мы подошли к Неве, как-то совершенно случайно наткнувшись на набережную, которая развернулась перед нами лентой после очередного поворота. До этого мы бродили по ночному Питеру уже несколько часов, периодически уничтожая очередной косяк. Осматривали достопримечательности. Лекс таскал с нами Эдисона, хотя именно у нас с Лексом была настоящая любовь. При чем здесь Эдисон, я не понимала, но перечить моему новоявленному супругу не хотела.

– Какая красота! – закричала я, вылетев к Неве из грязной подворотни. Впервые в жизни я видела такую красивую и просторную реку. У меня захватило дух.

– Нравится? – удовлетворенно и покровительственно притянул меня к себе Лекс.

– Элис, ты что, никогда не была в Питере? – удивился Эдисон. Он вытаращил глаза и принялся строить дикие рожи. Что ж, целый день в компании Лекса с полными карманами травы уже сказывался на нем. Он был бледен, глаза светились нездоровым возбуждением. Он бурно жестикулировал и на мои вопросы отвечал не всегда с первого раза.

– Никогда! – радостно кричала я и кружилась, размазывая по толстенному граниту поручней вязкий снег.

– Ты такая смешная!

– Лекс, как хорошо!

* * *

Мы хохотали и шли, полируя дорогу под ногами. Нам было все равно, куда идти. Около двенадцати ночи, на набережной – ни одного человека. Редкие машины тревожили наше уединение посреди ночного города. На самом деле даже странно, как теперь кажется, насколько пустынной оказалась набережная в тот момент. Все-таки центр культурной столицы, новогодние праздники, должны же были оказаться там какие-нибудь другие бесцельно шатающиеся люди, кроме нас. Но эта мысль тоже из разряда «если», которых я перебрала массу, только чтобы как-то успокоить воспаленный мозг.

«Если бы кто-то проходил мимо, если бы мы гуляли по оживленной Дворцовой набережной, если бы портик был закрыт, ничего бы не случилось…» – как заклинание повторяла я, глядя перед собой и трясясь от холода всю следующую неделю. По иронии судьбы, именно я первая заметила ступеньки, ведущие к воде. Спуски к Неве имеются по всему периметру реки, они сделаны таким образом, что спустившийся оказывается прямо у плещущейся кромки. Вода облизывает ботинки, притягивает к себе, чернеет и пугает. С тропинки, тянущейся вдоль набережной, человека не видно, и получается такой укромный уголок.

– Смотри, вода.

– Первый раз воду увидела?

– Лекс, прекрати. Просто она так близко. Почему она не заледенела вся?

– Тепло.

– Да, тепло. – Кромка льда отступала от границы набережной метров на десять. И сам лед был каким-то странно-уродливым, изломанным, наваленным грязными кучами по телу реки.

– Как будто тут прошел ледокол.

А может, и прошел. А куски потом сбились обратно и слиплись.

– Послушай, Эдисон. Ты как, не считаешь, что этот уголок Вселенной нам подходит больше всего? – таинственно и одновременно игриво спросил мой Лекс.

– Ага… – промычал тот и принялся рыться в карманах. Я была в курсе, хотя в тот момент весь мой опыт употребления наркотических веществ сводился к траве. Меня пробивало на «ха-ха», и все. Собственно, откуда взяться большому жизненному опыту в восемнадцать лет?

– Элис, ты уже большая девочка? – спросил меня Лекс.

– Я же вышла за тебя замуж, – усмехнулась я. Лексу было двадцать пять, и он казался мне воплощением вселенского знания и опыта. Гуру, вуду и моя первая учительница в одном флаконе. К тяжелым наркотикам я отнеслась положительно, они давно вызывали мой интерес. Но никто не предлагал. В Москве, откуда я три дня назад уехала навсегда, как-то не было принято употреблять на улицах ничего тяжелее травы. И вообще, у нас народ как-то больше традиционно пил, в крайнем случае курил анашу и кололся кетамином. Ненаказуемо.

– Тогда отойди от воды и не отсвечивай.

– А что будет?

– Тсс. Увидишь.

– Тебе понравится, – уверенно добавил Эдисон, вытащив из-за пазухи какой-то флакон.

– А что это? – я не могла уняться. Мне так много рассказывали, что мой Лекс – парень с большим и обширным опытом, но все то время, что я его знала, он ни разу не достал шприц. Может, только при мне, я не знаю.

– Винт. Это винтик, отлили мне раствора добрые люди, – успокоил меня добрый-добрый Эдисон.

– А на всех хватит? – заглянул через плечо Лекс.

– Надо аккуратно раздербанить. Ей децл выберешь – и хватит.

– Почему? – возмутилась я.

– По кочану. Мала еще.

– Вот так всегда. Мне же интересно! Сделайте сколько надо.

– Да тебе и правда много не надо в первый раз. Расколбасит по-любому. – Эдисон начал греть пузырек горящей зажигалкой. У него была бензиновая «Зиппо», жирненькая серебряная бляха.

– Ты специально такую зажигалку носишь? – восхищенно присвистнула я.

– А как же! – Эдисон вынул маленькую упаковку со шприцами. – Тебе расчехлить? – предложил он Лексу.

– У меня портативный набор, – ответил тот и достал из рюкзака черный кожаный пенал. Это была его фишка, своеобразная визитная карточка, добавлявшая ему колорит. В пенале лежали жгут, пара шприцев, флакончик со спиртом и жвачка. Я еще в Москве много раз рассматривала содержимое пенала и думала, что все-таки выхожу замуж за удивительного человека. За того, кто не боясь следует своему «Пути». И который не побоится взять меня с собой.

– Элис, иди сюда, – охрипшим голосом произнес он. Я задрожала от предвкушения чего-то неизвестного. Говорят, что наркоманом можно стать с первого укола. А про меня говорили: Элис пропадет в любом случае, рано или поздно. От наркоты, от водки или сама собой. Такие оторванные не живут долго. От этих разговоров мне становилось не по себе. Но и странным образом они меня радовали. С некоторых пор я и представить себе не могла, что проживу долгую обывательскую жизнь, рожая детей и мечтая о постройке дачи. Нет уж. Только не я. У меня с этим миром нет ничего общего. Уж лучше рано или поздно умереть от передозировки, выброситься из окна, оставив на асфальте кровавую отметину. Улететь в небо и стать наконец свободной от всего.

– Чего вылупилась? Волнуешься? Руку давай, – не напрягая себя тактичностью, выдал Эдисон. Он явно нервничал, оглядываясь на ступеньки.

– Давай-давай. Быстрее. В этом городишке еще не перевелись строгие дядьки в форме.

– Что ты так дергаешься? – спросил Лекс. – У тебя вон руки дрожат.

– Холодно.

– А как же ты ставиться-то будешь?

– Уж как-нибудь попаду. Опыт не пропьешь.

– Элис, давай.

– Почему я первая? – не поняла я.

– Потому что сама ты не уколешься. А мы потом можем и не смочь.

– А… – Я протянула руку, накинув куртку на плечо. Свитер мешался, и жгут наложили прямо на него. Мои глаза расширились, все внутри запротестовало в природном нетерпении боли и чуждого проникновения. Каждый раз потом эти чувства охватывали меня, но к ним привыкаешь. А вот к боли, которая жгла изнутри, я так и не смогла привыкнуть никогда.

– Ну как ты? – заботливо поинтересовался муж. Как я? Кто?.. Ах да, а как я, кстати? АХ!

– Вставило! – удовлетворенно произнес Эдисон, глядя на меня.

– Ну, поскакали?

– Ага, – Эдисон склонился над пузырьком. Я из-под ресниц наблюдала за ними, и мне хотелось пуститься в пляс. Взрыв сознания, который заполнил меня всю, нельзя было сравнить ни с чем, что я переживала ранее. Да, однозначно, я пошла правильным путем. «Правильной дорогой идете, товарищи».

– А где раствор?

– Да тут.

– Тут нет ни черта. Ты все себе засадил.

– Как нет? Не может быть.

– Да иди ты к черту, ублюдок! Ты все засосал себе.

– Я оставил половину.

– Нет, ты ни хрена не оставил!

– Оставил, – уверенно отбрехивался Эдисон. Ему было уже все равно, поток эйфории уже накрыл его. Я хотела гулять, хотела петь, плясать. Меня напрягали звуки нарастающего скандала.

– Сколько там было? Ты помнишь?

– Много.

– Идиот. Сволочь, – зверел обездоленный Лекс. Никогда раньше я не видела, что от ярости он готов рычать и скалиться. Как ужасно он похож на волка.

– Ты не гони, Лекс. Ты сам небось все пролил. Не сваливай на меня.

– Я и в руках твой дерьмовый пузырь не держал.

– Ну, хочешь, поехали за эфедрином.

– Ты скотина.

– Сам скотина, – решил защитить свою честь Эдисон.

Я стояла, вжавшись в гранит набережной. Холод вдруг протек волной по моему телу. Воздух над Невой сгустился и почернел. Словно исчезла граница между водой и небом, и все вокруг превратилось в вязкое масло. Я смотрела сквозь орущих друг на друга на черную воду, и она превратилась в живое существо, лижущее языками своих двадцати голов ноги Эдисона. Водяной дракон шевелил пальцами, пытаясь зацепиться за его шнурки.

– Ты мне будешь говорить, что я говно? – орал, брызгая слюной, Лекс.

– Да ты достал меня. Убирайся, а то хуже будет.

– Ты мне угрожаешь? Ты меня испугать, что ли, хочешь? – изумился Лекс и толкнул в плечо Эдисона.

Тот в ответ с размаху шлепнул кулаком по Лексову лицу. Муж пошатнулся. Из губы потекла кровь, а из глаз – бешенство и слепая ярость. Я завизжала, но было уже поздно.

– Чтоб ты сдох, – плюнул на Лексову куртку Эдисон.

И тут мой муженек бросился вперед. С разворота он по инерции всем корпусом упал на Эдисона. По сути, они должны были упасть оба. Но Черная Питерская Река, это живое существо с аппетитом беженцев Эфиопии, утянула за ноги Эдисона, отвергнув Лекса. Нелепо размахивая руками, Эдисон заскользил на портике, корпус отклонился от вертикали, и с громким всплеском он опустился в воду. Течение тут же понесло его в сторону искрящегося красивого моста. Его затягивало под лед. Воронки раскручивали руки, которые он тянул, безнадежно пытаясь нащупать опору. Его крик захлебывался в ледяном холоде. Нева заливалась ему в рот, спутывала его руки, утяжеляя одежду. Через несколько минут он ушел под лед, но мое сознание само дорисовывало картину того, как он перебирает ладонями по льду, пытаясь его пробить. Как остатками лишенного кислорода разума он ищет направление берега. Как жутко холодно и темно под этим грязным изломанным льдом.

– НЕ ВИЗЖИ! ЗАТКНИСЬ! – раздался голос над моим ухом, и тут же наступил воздушный вакуум.

Я не сразу поняла, что мне заткнули рот и нос, но с яростью начала вырываться. Наркотический кайф добавил мне силы, но Лекс был сильнее, намного сильнее меня. Он повалил меня на портик и накрыл собой. Он дал мне дышать, но рот по-прежнему держал, больно обхватив окостеневшими пальцами подбородок. Я билась всем телом и рыдала. Все, что я видела, – это кусок его груди, его подбородок и еле различимые глаза. Его глаза впились в реку и смотрели, не отрываясь, на то место, где вода скрыла последний раз выплывшего обдолбанного эфедриновым винтом Эдисона.

– Ты что, хочешь за ним? – спокойно и безмятежно спросил он.

– Нет, – замотала я головой. Когда-нибудь я наверняка выброшусь из окна. Но сегодня я не могу умереть. Не могу опуститься в грязную ледяную воду вслед за человеком, о котором

знаю только то, что он Эдисон из Волгограда, старый знакомый Лекса, моего новоиспеченного мужа.

– Так-то. – Он убрал руку с моего рта. Но ничего, кроме щенячьего повизгивания, из меня не вылезло.

– Ты его убил.

– Я его не убивал, что ты плетешь. Он сам упал.

– Ты его толкнул.

– Так, ну-ка, вставай.

– Нет! – я страшно испугалась его разъяренного вида. Он был убийцей, он, не задумываясь, убил бы и меня, если бы счел это необходимым.

– Да не бойся. Нам надо отсюда убраться по-быстрому.

– А вдруг нас кто-то видел?!

– Час ночи, это же пролетарский район, одни заводы. Никто никого не видел. И мы никого не видели.

– Ага, – всхлипывала я. Передо мной неотрывно стояло лицо Эдисона.

– Иди сама, я не могу тебя все время волочь.

Я оглянулась и поняла, что мы с Лексом уже некоторое время тащимся в обнимку по набережной и уже подходим к тому самому мосту, на фоне сияющих огней которого течение утащило Эдисона под лед.

– Почему в Неве течение такое сильное?

– Не знаю. Это же все-таки морская река.

– А может, чего-то сбрасывают.

– Может, – согласился Лекс так, словно мы вели светскую беседу.

Я снова впала в истерику.

– Что мы делаем? Ты с ума сошел? А вдруг он еще жив?

– Кто?

– Эдисон.

– Это кто такой? Ты его знаешь? – спокойно и страшно глядя мне в глаза, спросил Лекс.

– Что?

– Не чтокай! – Что-то горячее обожгло мне щеку. Я с изумлением проследила за его ладонью, которая только что залепила мне пощечину.

– Ты меня ударил, – вылупилась я. Никто и никогда не бил меня по лицу.

– Дура, я пытаюсь привести тебя в чувство.

– Эдисона никто никогда не приведет в чувство.

– Ты хочешь, чтобы меня посадили? Ты этого хочешь, моя женушка?!

– Нет. – Я и правда не хотела. На место ужаса потихоньку вползала пустота.

– Эдисон утонул. Но я тут ни при чем. Это был несчастный случай. Ты поняла?

– Да. Несчастный, – как обезьяна, повторяла я.

По правую руку мимо нас текли роскошные и невероятно эстетичные особняки, но Лекс не давал мне возможности осмотреться. Он тащил меня и тащил вперед, тащил даже тогда, когда я со слезами просила остановиться.

– Ты же под винтом. Вообще не должна уставать, детка. Пошли, нам надо уйти как можно дальше.

– А куда мы идем? Мы же собирались ночевать у… – Мы собирались ночевать у Эдисона.

– Да уж. Хорошо, что никто не знает, что мы с ним виделись.

Действительно, никто. Я вспомнила, как утром мы вышли из дома, пошлялись по городу и на Невском подобрали совершенно никакого Эдисона, подпиравшего колонну собора Казанской Божьей Матери. Он спал, у него в кармане грелся пузырь с винтом. А у нас было немного

денег и остатки травы. Мы совместили наши ресурсы и пошли в маленькое питерское кафе подкрепить общие силы. А потом мы угостили Эдисона нашей травой и пошли гулять.

– А в «Молоке»?

– А кто будет спрашивать в «Молоке»? И вообще, о чем ты?

– О «Молоке». – Это был клуб, около которого мы тусовались чуть ли не весь вечер. Там-то нас кто только не видел. Но никто не смог бы точно сказать, вместе мы или так, косяк забили и разбежались.

– Ты хоть знаешь, кто такой Эдисон?

– Ну…

– Эдисон – парень, живущий по вписке у Барышни. А там живут все, кому не лень.

– И что? – мои мозги отказывались мне служить.

Была глубокая ночь, холодная, несмотря на плюс три. Мы дошлепали до Марсова поля и зависли у полыхающего газового огня. Он горел в честь не то партизан, не то пионеров-революционеров. А может, в память о баррикаде. Но горел он очень в тему, согревая своим не офлажкованным милицией и прочими людьми в форме огнем бомжей и наркоманов вроде нас. Тех, кто не нашел, куда вписаться на ночь. Но в эту ночь тут никого, кроме нас, не оказалось.

– Кто он такой? Откуда? Что написано в его несуществующем паспорте? А?

– Он из Волгограда.

– Может, и так. Это он так говорил. А может, он из Сыктывкара. Или Ашхабада.

– Почему нет? – вяло согласилась я.

– И кто его тут станет искать?

– Барышня.

– Да Барышня круглыми сутками только эфедрин ищет. И вряд ли она сама знает, кто такой Эдисон. Так что расслабься. Его, скорее всего, никто и никогда не хватится.

– Но его же найдут!

– И что? Найдут весной очередного утопленника.

– Их называют подснежниками, – некстати вспомнила я какую-то дурную передачку какого-то патруля.

– Дура. Его даже не опознают к тому времени.

– И что? Все? Мы можем его забыть?

– Именно. И не просто можем, а должны. Мы же молодожены. Мы будем наслаждаться семейным счастьем. А сейчас тебе надо успокоиться. У тебя небось отходняк.

Точно. То, что я чувствовала, иначе, как отходняк, не назовешь. Причем вовсе не от винта. Не только от винта, первого в моей жизни укола, после которого я навсегда перестала переносить вид питерских рек и мостов, стараясь избегать взглядом плещущуюся там, внизу, воду. Мои мозги пытались найти ответ на вопросы: как я оказалась здесь, на этом Марсовом поле, с этим мужчиной? Как и когда исчезла с лица земли девочка Алиса Новацкая, которую любили папа с мамой и не очень любил братец Павлик? Откуда взялась эта Элис, которая греется около странного заброшенного газового костра неподалеку от пресловутого Зимнего дворца и курит анашу вместе с мужем, убийцей и наркоманом по кличке Лекс? Элис, которая, скорее всего, беременна? И которая все время крутит в голове различные «если».

Если бы я не захотела вместе с ними колоться…

Если бы я не увидела этих проклятых ступенек к портику…

Если бы я не потеряла Артема…

Нет, только не это. Если я стану думать об этом «если», то сойду с ума. Нет. Не было в моей жизни никогда никакого Артема. И меня не было. Всегда есть и будет только Элис. И никаких «если». Все они остаются здесь, на этих листках, похожих на абсурдное школьное сочинение. А больше нигде.

Из разговора с психоаналитиком

– Скажите, а почему вы решили, что сможете ей помочь?

– А что, не смогу?

– Я не могу ничего гарантировать, поскольку не имею возможности даже увидеть пациента. Вполне вероятно, вы просто выбросите деньги на ветер, – флегматично бросил ему в лицо лысоватый пятидесятилетний мужчина в белом халате.

– Доктор, это моя жена!

– Да уж. Любовь зла. А других записей вы не находили? – потер лоб в задумчивости врач.

– Нет. Я и эти листы, в общем-то, не находил. Они сами мне в руки попались.

– А кстати, расскажите об этом. Ведь информация на них довольно личная. Вряд ли она их оставила на виду.

– Не на виду. Она не очень-то аккуратна, понимаете, – с видимым напряжением выдавал семейные тайны румяный и толстощекий молодой человек. Он был явно взволнован.

– Наркоманы не умеют концентрироваться. Уборка, регулярные операции типа чистки зубов и ботинок для них так же сложны, как для вас, например, постройка дома своими руками.

– Мне кажется, доктор, что вы заранее ополчились против нее. Мы же пытаемся ей помочь. Она раньше была таким чудесным человеком. И сейчас – сейчас в ней еще осталось так много хорошего. Одно то, что она со мной!

– Не обольщайтесь. Не терзайте себя излишними надеждами, а то потом мне придется лечить еще и вас. Знаете, что делают иногда близкие, если понимают, что их жену, сестру, дочь, любимого не излечить?

– Что?

– Идут вслед за ними. И в итоге мы имеем двух наркоманов вместо одного.

– Нет, это не наш случай, – отрицательно замахал головой толстощекий. Он встал и подошел к окну. Его высокую фигуру серьезно портила какая-то женская стать. Большая круглая попа, рыхлые бедра. И этот невозможный румянец, неравномерно растекавшийся по его не слишком и без того красивому лицу, чуть только он начинал нервничать.

– Почему же не ваш? Откуда такая уверенность?

– Я ее вытащу.

– Это утопия.

– Если вы не возьметесь, я найду другого.

– Да уж, на свете есть масса шарлатанов, которые за деньги с удовольствием исцелят все, что угодно. Хоть прямо по фотографии.

– Поэтому я и обратился к вам. И мне вас очень хорошо рекомендовали, – многозначительно добавил он. – Как душевного человека.

– Спасибо, что не как душевнобольного.

– Зачем вы так?

– Да поймите, я не имею права потворствовать вашим утопиям. Это непрофессионально, – горячился врач.

– Но я же не прошу ее лечить. Я просто прошу вас помочь мне понять, как она стала такой. Что с нею произошло. Это же вы можете.

– Это могу, – расслабившись, произнес лысый. По первому впечатлению он был добрым, хорошим человеком. Наверняка после работы его ждал теплый и уютный дом с кучей внуков и детей. И конечно, жена, чуть постаревшая, подернутая морщинами, но до сих пор красивая ухоженная женщина, ласково целующая по ночам его лысину. Жена, которая готовит ужин, а не та, что возвращается глубоко за полночь, заполняя маленькую комнатку запахом анаши.

– Вот и хорошо.

– Значится, что мы тут имеем? Описание смерти некоего Эдисона. Так как вы его обнаружили?

– Она оставляет на полках полный бардак.

– В шкафах?

– Да. В нашем шкафу. Кладет грязные вещи с чистыми. Детские со взрослыми и так далее.

– Ужасно, – поморщился врач.

– Я по природе довольно брезглив, но не хочу доставать ее замечаниями. Она и так мучается от этого всего. Я сам разбирался на полках. И там лежали несколько пакетов с какими-то ее вещами.

– А когда она приехала из Петербурга?

– С месяц назад.

– А когда вы поженились?

– Мы пока только подали заявление. – Это не было правдой, и молодой человек отвел глаза, заинтересовавшись рисунком на обоях.

– Понятно… – многозначительно протянул эскулап.

– Так вот, я разложил пакеты на полке, а из-под ее белья выпали листы.

– Эти? – ткнул пальцем в кучку тетрадных листочков в клеточку доктор.

– Ну да. Я машинально поднял и почитал начало. Я был так потрясен, я вообще не понял, о чем они.

– Но вы узнали почерк? Или просто предположили, что это писала она?

– Нет, я точно узнал ее почерк. Все-таки я ее уже очень давно знаю. Она и раньше любила иногда делать описания чего-то, особенно ей запомнившегося. Только устно. – Румянец залил уже практически все его лицо, он мечтательно задумался и уставился в окно. За окном зеленел просторный московский двор. Начало лета наполняло радостью все вокруг, но это лето было отравлено для него. Отравлено этими ее необъяснимыми прогулками. Она могла часами ходить по улицам, не говоря ни слова, не замечая, что он устало семенит рядом. Но потом она останавливалась и говорила: «Миша, езжай домой. Я хочу побыть одна» – и тогда он ехал в свою квартиру, смотрел на болтающий в пустоту телевизор и думал об одном. Каждый раз об одном. Вернется ли?

– Значит, это писала она. А как вы думаете, события не могут быть просто ею придуманы?

– Не знаю, – опустил голову он. Кто может что сказать точно про Алису Новацкую? Тем более что и раньше он ничего точно в отношении ее сказать не мог.

– Хорошо. Лекс – это реальный человек?

– Да. Это ее муж.

– Муж? – удивленно приподнял лысые брови доктор.

– Бывший.

– А что с ним? Умер?

– Сидит. Его посадили за убийство.

– За это?

– Может быть. Я не знаю. Она не говорит ничего. Не хочет разговаривать на эту тему. Скорее всего – да.

– Ну ладно, поехали дальше.

– А что, это не важно?

– Я понятия не имею, что важно, а что нет. Надо еще очень много чего узнать, чтобы составить полную картину. Пока я могу сказать, что она, очевидно, пережила сильнейший стресс, который не нашел выхода. На стресс наложился страх расправы и физическая боль. Сложно сказать, как именно эти события деформировали ее личность. Но проблемы у нее все же начались раньше. Это событие, может, и усугубило ее неадекватное состояние, но не оно положило начало в изменениях психоповеденческих стандартов и моделей.

– Мне не очень понятно, доктор.

– Во-первых, раз мы видим день Y, значит, где-то есть и день Z, и тем более день X. И вполне возможно, что только в голове, а не на бумаге. Это будет хуже, ведь к себе в голову она не пускает, как я понял.

– Надо поискать? – с надеждой взвился Миша.

– Конечно. Это бы нам очень помогло. И еще, вы не знаете, кто такой Артем?

– Артем?

– Да, она в конце пишет, что все «если», касающиеся некоего Артема, ей вспоминать невыносимо. То есть она сама проводит невидимую черту между Алисой и Элис через этого самого Артема. И что именно после него она перестала быть «обычной». Это, должно быть, очень для нее важный человек.

– Нет. Я не знаю. – Он снова уперся в обои и задергался.

– Точно?

– Да.

– Странно. А говорили, что знаете ее уже много лет. Вполне вероятно, что это ее первая любовь.

– Да, конечно, все возможно. Но она общалась со мной очень обрывочно. В основном когда ей совсем не было куда деться. А в какие-то периоды не общалась совсем, сколько я ни просил. Помню, правда, она ушла с одним мужиком, но мне не кажется, что он был ее первым. Скорее всего, это все же кто-то другой.

– Не факт, – усомнился эскулап. – Значит, об Артеме она вам не рассказывала?

– Нет. Она никогда ни о чем не рассказывала, что связано с ее жизнью. Вот о других, о жизни, о любви…

– Это очень интересно. Обязательно будем разбираться, раз вы желаете иметь точный психологический портрет супруги.

– Да-да, очень желаю, – подтвердил Миша.

– Тогда так. На сегодня наше время закончилось. С вас тридцать долларов.

– Конечно, вот, – Миша суетливо выкопал из карманов смятые и замусоленные деньги.

– Положите на стол, – любезно и прохладно улыбнулся психоаналитик.

– Вот. А что мне пока делать?

– Ничего. Наблюдайте, следите. Зафиксируйте для меня ее перемещения, любимые занятия. Попробуйте вызвать на откровенный разговор, но не напирайте. И поищите еще какие-нибудь ее записи. Любые. Особенно то, что касается этого Артема. Ладушки? – Врач давал уже активно понять, что прием окончен.

Миша дергано и как-то неуклюже напялил ветровку и вышел. Затем вернулся – забыл барсетку и ключи от машины. И снова, не переставая кивать, пятился по-рачьи к выходу. Он был таким смешным в этой своей нелепой заботе о наркоманке. Но деньги есть деньги. А доктор привык выполнять свою работу хорошо. Всегда.

Часть I
Артем

Глава 1
Путевка в жизнь

Словосочетание «родительский авторитет» утратило для меня фактический смысл где-то в тринадцать лет. Не могу сказать с уверенностью, что до этого он сильно для меня был важен, но… С тринадцати лет я не считала, что мои родичи могут мне сообщить что-либо, заслуживающее прослушивания. Наверное, такое отношение образовалось под воздействием криков окружающих:

– Какая у вас умная девочка!

– Наверное, она далеко пойдет!

– Надо же, такие взрослые рассуждения! Прямо на удивление!

Все восхищались, когда я с серьезностью разглагольствовала над своим будущим и смыслом жизни.

– Я хочу стать врачом. Я понимаю, это нелегкий труд, но мне кажется, что очень подходит моей натуре. Мне бы хотелось делать что-то полезное для общества. И для людей. Ведь жизнь окажется бессмысленна, если я только и буду думать о деньгах и личном счастье. – Вот такие опусы, бред собачий. Мне удавалось тонко чувствовать настроение окружающих и мастерски под него подделываться. Например, моя мамуля мечтала о дочери-враче. Отсюда и результат. Как в ресторане – поем то, что заказывает щедрая публика. А сейчас для нашего дорогого друга Горы из солнечного Азербайджана звучит эта песня! А поскольку я выдавала эти розовые мечты лет с двенадцати, изменяя иногда только направление моих жизненных устремлений (учителем, юристом, журналистом и далее по списку учебных заведений) в соответствии с потребностями публики, все вокруг твердили мне и родителям, что их детку непременно ждет блестящее будущее. Я не сопротивлялась, но вот только к началу переходного возраста понимание термина «блестящее будущее» у меня радикально изменилось.

– Ты хочешь быть врачом?

– Да-да, точно, – отвечала я, но про себя думала: конечно-конечно. Вот только разбегусь и всех вылечу. На самом деле я не сомневалась, что меня ждет удивительное будущее, но связывала его с чем-то неуловимым, как дуновение ветра. Ни понять, ни сформулировать я не могла. Как можно описать радость от бьющего в лицо свежего ветра или мокрого дождя? Что можно прочитать в шорохе листьев? Какие обещания любви и счастья можно передать словами?

– Какая-то она у нас ранняя. Надо быть с ней теперь повнимательнее! Как бы чего не вышло! – закудахтали мои предки, когда увидели, что у меня выросла грудь. Я сама еще ничего не понимала и не знала, но они уже все решили и перестали мне доверять. Переходный возраст, мать его.

– Алиса, будь, пожалуйста, дома в восемь часов, – строго и холодно выдала мама как-то. Это мне-то, которая уже так привыкла к свободе и доверию. Да я с десяти лет сама решала, во сколько мне приходить домой. Восемь часов – это бред!

– Но почему?

– По кочану! – рявкнул папа. Не мог же он и в самом деле сказать мне, что боится стать дедушкой.

Поскольку они так и не объяснили своих мотивов, свалив все на общую экологическую обстановку в столице после восьми вечера, мое понимание родительского авторитета сильно

пошатнулось. Я перестроила свой график и принялась слушать ветер сразу после школы, а уроки делала по вечерам. Или не делала вообще. А чего напрягаться, если я и не напрягаясь учусь на четверки-пятерки? Если нужный параграф по географии я выучиваю за пять минут до урока?

– Чем ты занимаешься? Где тебя носит?

– Какое тебе дело? Я же являюсь к восьми.

– Я тебя вообще никуда не пущу, если не объяснишь, где ты ходишь и чем занимаешься!

– Да ничем я не занимаюсь!

– Ну конечно. От тебя можно ожидать чего угодно!

– Я просто гуляю.

– Но почему ты не гуляешь с подружками? Почему к тебе никто не заходит?

– Мне с ними скучно. С ними не о чем говорить.

– Да о чем ты хочешь говорить? Что у тебя вообще в голове происходит? – не переставали меня бомбардировать родители. Но они не заслужили звание «достойных доверия», и я молчала.

Наверное, я их этим сильно пугала, так как принято считать, что замалчивают плохое. Но я просто не желала никого пускать внутрь себя. Никого, не только их. Наверное, я его стеснялась – внутреннего мира своего, странного и нелепого. Мои одноклассницы и одноклассники были тайной за семью печатями. Они хотели новый костюм, американские джинсы, новую косметику «Пупа». Хотели всего, что может дать перестройка. Для меня ветер горбачевских перемен был духом свободы. Всем вокруг разрешали все. Все пути вдруг оказались открыты, что меня потрясло после пионерских рамок. Я просто тащилась от собственного права ходить в школу в драных штанах, мешковатых свитерах и ботинках на шнуровке. После отвратительных коричневых платьиц, выпячивающих мою слишком большую для подростка грудь, я хотела носить только самую мешковатую из возможных вариантов одежду. После платьиц и после того, как какой-то незнакомый старшеклассник зажал меня в углу за туалетом и принялся больно и противно хватать за грудь, приговаривая: «Какая большая девочка», – после этого я несколько дней шарахалась от старшеклассников и старалась не выходить на перемену из класса. Но вот права снять это нелепое платьице у меня не было. Как и права прийти на физкультуру в закрытом спортивном костюме. Нет, положено ходить в черных шортах-трусах с белой футболкой – ходи! Подумаешь, что трясется грудь. А нехрен было такую отращивать. Надо было меньше капусты есть. В общем, из-за моего раннего полового созревания я наслушалась много, будь оно неладно. Так что, когда нам сообщили, что школьную форму отменили, я первая приперлась в наряде городского отребья. Уж в нем было невозможно определить, есть ли у меня грудь.

– Алиса, если ты еще хоть раз явишься в школу в таком виде, я поставлю вопрос об исключении тебя из пионеров! – брызгала слюной завуч. Как напугала! На всех углах города шептались о Солженицыне с его ГУЛАГом, о преступлениях коммунистов. И даже о самом Сталине, в том смысле, что он таки не был ангелом на земле.

– Если вам нужно мое заявление о выходе из пионеров, оно ляжет к вам на стол ровно через три минуты! – заявила я и перестала носить в школу сменку. Вид грязных замусоленных мешков с ботами меня давно бесил.

– Мы перестанем пускать тебя в школу! – пугали меня. Но пускать не перестали. И вообще, как-то через пару месяцев попривыкли и оставили в покое.

Училась я хорошо, не скандалила. Только по истории отечества получила трояк, так как имела наглость выдавать в эфир новый взгляд на эту самую историю.

– Что ты можешь знать об истории! Ты глупая, невоспитанная хамка! – проорал мне в ухо старый сморщенный коммунист-историк после моего заявления о репрессиях.

Я обозлилась и на следующий урок приволокла доклад на тему «Страшные последствия октябрьского переворота».

– Не сметь порочить Великую Октябрьскую социалистическую революцию! – озверел учитель.

Наверное, то, что я делала, можно назвать жестоким. Но я была так молода, мне так нравилось все новое, что окружило меня со всех сторон.

– Поставьте мне «три» и избавьте себя от необходимости видеть мое хамское лицо, – предложила я ему.

Он согласился на свою голову, так как вслед за мной на его устаревшие уроки перестал ходить весь класс. Получился страшный скандал, в котором закономерно обвинили меня.

– Да наплевать, – отмахнулась я от записей в дневнике. Мнение родителей относительно происходящего в школе интересовало меня меньше всего. Больше всего мне нравилось гулять. Не просто шляться по окрестностям родного района, выискивая компании, и, замирая от страха, докуривать бычки. Я хотела слушать, о чем мне расскажет старая Москва, что я почувствую, заглядывая в окна особнячков в центре города. Я могла часами смотреть, как падает снег на дворик какого-то непереводимого посольства неподалеку от Плющихи. Я рассказывала себе сказки о мире и любви, тысячи сказок о тысяче миров. Тысяча мужчин любила меня. Сотни преград я переступала, одерживала сотни побед… Каждый день я разыгрывала новый спектакль. Я жила в этих особняках, я писала картины, глядя на арбатский вернисаж. Я влюблялась, и влюблялись в меня.

– Алиса, почему ты постоянно получаешь такие жуткие замечания? – расстраивалась мама. Она как-то привыкла, что учеба дочери течет сама собой, не напрягая никого вокруг.

– Они ко мне придираются.

– Еще бы, если ты позволяешь себе ходить в школу в таком виде.

– В каком?

– Как побирушка с помойки.

– Сама ты с помойки. Не трогай меня. Оставь меня в покое! – Вообще, в то время слова «отстаньте от меня» я адресовала всем. Лучше всего мне было абсолютно одной. В кармане – проездной, в рюкзачке – хлеб и бутылка с холодным чаем, и полная свобода передвижения. Я выбирала на карте метро станцию – каждый день разную – и ехала туда. Зачем?

– Где ты сегодня была?

– На Измайловской.

– Почему там?

– Там красиво. Все новое. – Именно это и было самым захватывающим. Бродить по неизвестным улицам, смотреть на новые дома, заглядывать в окна. Всматриваться в лица людей. Где-то там среди них так же ходит ОН. Ходит и смотрит, нет ли в толпе меня.

– Сколько можно мечтать? Алиса, у меня есть знакомая, она может организовать тебе выбор профессии с помощью ЭВМ. – Это что-то новое. Мама обеспокоилась моим будущим.

– А зачем мне это?

– Ты что, так хорошо уверена, кем хочешь стать? Только не говори, что врачом. Ты совершенно ничего не желаешь делать.

– А что надо делать, по-твоему?

– Ходить на курсы, хорошо учиться, интересоваться.

– Я интересуюсь.

– Да чем?

– Всем. – Разве она может понять, что у меня другие, гораздо более важные дела? Они все – разве они могут хоть что-то про меня понимать?

– А что, ты считаешь, что тебе все выложат на блюдечке?

– Почему нет?

– Но только не мы с отцом. Пока ты живешь на наши деньги, ты обязана нас слушаться.

– Да ничего я вам не обязана, – возмущалась я. – Как я могу жить, думая только о том, что я всем обязана?

– Да как ты смеешь, противная девка! – переходила на ультразвук мамаша. Они с отцом теряли связь друг с другом по мере потери связи со мной. Оказалось, что ничего общего, кроме меня, у них нет. Еще был брат, но он уже не мог ничем поспособствовать трещащему по швам родительскому браку. Мой зловредный братец оттарабанивал срок во флоте, чему я немало радовалась. Я же не желала иметь близких сношений с родителями. Так между ними поселились скандалы.

– Это ты виновата, что она выросла такой!

– Да девочка просто страдает из-за твоего отцовского невнимания!

– Ага, а ты как мать ей много внимания уделяешь?

– Ну уж не оскорбляю, как ты!

Дальше они переходили на личности друг друга и потом неделями разговаривали через меня.

– Скажи матери, что в воскресенье придет сантехник.

– Передай отцу, что нужно заплатить за электричество.

– Спроси у матери, будет ли в этом доме ужин.

Или так:

– Ты вся в мать, такая же свинья! Ты посмотри, что у тебя в комнате делается. Ты когда последний раз пыль протирала? В прошлом году? Пока не наведешь здесь идеальный порядок, никуда не пойдешь.

– Ты вся в отца! Как ты смеешь мне хамить! Быстро убери за собой посуду! Только жрать все способны, а помыть тарелку – никто!

Крики, крики, крики.

– Почему ты задержалась?

– Уже девять часов!

– Шляешься!

– Почему ты вся в грязи?

Конечно, все это не усугубляло моей жажды родительского внимания. Скорее наоборот, я уже подумывала, что без них моя жизнь была бы куда проще.

– Ты живешь на мои деньги и будешь делать то, что я скажу. – Это был аргумент, странным образом возымевший прямо противоположный от желаемого результат.

Стоял август, мое желание находиться дома сводилось к минимуму. Я забрала из школы документы и устроилась на работу. Перестройка давала удивительные возможности людям, не желающим ничего, кроме денег. Количество рабочих мест, не требующих даже подобия квалификации, множилось с каждым днем. Я искала работу, дающую максимум свободного времени. Мне не нужны были миллионы. Вполне хватило зарплаты продавца в коммерческом ларьке. Работала я сутками через трое, а в остальные дни получила возможность под завывания родителей о погубленной судьбе молча приходить и уходить из дома, когда только захочу. И так же молча готовить ужин и нести его (стандартная сковорода с жареной картошкой и луком) к себе в комнату, где, задвинув щеколду на двери, я забывала о присутствии в моей жизни этих неадекватных неандертальцев.

– Ты же оказалась без аттестата, глупенькая. Тебе же оставался всего один год!

– А меньше меня надо было попрекать! – рыкала я и уходила к себе. Или даже в себя, что будет вернее. Я на самом деле совсем не думала о каком-то там аттестате. Что за глупость, когда вокруг такой большой и удивительный мир, полный чудес и сюрпризов. И столько всего в нем непознанного. Например, сигареты. Когда-то в пионерском лагере я пробовала курить, но это кончилось только позорным кашлем. Впоследствии я немало сил и времени потратила на

то, чтобы научиться курить правильно, по-взрослому. То есть глубоко затягиваясь и выпуская дым ровной густой струей прямо из недр себя. К пятнадцати годам я не только умела курить как заправский матрос, но и даже огребла какую-никакую привычку, вследствие чего колбасилась по утрам без сигарет и без возможности выкурить спокойно дома утреннюю сигарету с кофе, как я это делала в магазине после смены.

– Деточка, это же ужасная привычка – курение!

– Да что в ней ужасного?

– Ты же будешь выглядеть как старуха!

– Не буду, – уверенно бубнила я. Это она выглядит как старуха, а я выгляжу, как…

– Ты просто вульгарна! Как проститутка смотришься с сигаретой.

– А папа как смотрится с сигаретой?

– Он – мужчина. Ему это не так важно. И потом – тебе рожать!

Вот смысл слова «рожать» я не понимала вообще. То есть смысл слов «любовь», «секс» я понимала, но как младший ребенок в семье, который видел грудных детей только на картинке, не связывала одно с другим. И перспектива выглядеть как проститутка меня совсем не пугала. Может, хоть так на меня кто-нибудь обратит внимание. Я прогуляла по улицам Москвы уже почти два года, а со мной так никто и не познакомился. Я не знала, красива я или нет, привлекательна или не очень. Парни моего возраста интересовались исключительно журналами с голыми бабами и Жанкой Смагиной – местной голубоглазой красавицей с пухлыми губками. Я для них не была объектом мечтаний. По крайней мере на тот момент, когда так безвременно покинула стены родного учебного заведения. Да и не очень-то хотелось. Я, конечно, считала себя влюбленной в одного неизвестного красивого старшеклассника, но после ухода из школы как-то подозрительно быстро его забыла. Так, просто сердечная разминка, как я теперь понимаю. А сердце мое трепетало, мир вокруг казался просто сияющим, хотелось настоящей, большой любви с шекспировскими страстями. Так что каждое, даже самое малюсенькое знакомство я тестировала на предмет его потенциальной любви. А вдруг это ОН? Откуда такая тяга поскорее сгореть в огне страсти, я не знаю. Наверное, это гормональное.

– О чем ты думаешь, когда я с тобой разговариваю? Ты вся провоняла сигаретами. Позор!

– Мама, я взрослый человек и сама буду решать, что мне делать.

– Ах ты дрянь, да как у тебя только язык не отсохнет!

Да уж, на эпитеты мать не скупилась. А после того как она, случайно застав меня дома с сигаретой (а кто ее просил приходить с работы на полдня раньше?), попыталась в порыве чувств побить меня веником, я поняла, что трудовой порыв вовсе не избавил меня от проблем с родителями. Я как получала по скандалу в сутки, так и получаю. Ситуация тупиковая. Но однажды она усложнилась тем, что из армии приплыл мой драгоценный братец, Константин Новацкий. Я и до трехлетнего плавания в рядах нашей доблестной армии его не жаловала из-за патологического презрения к моей персоне, а тут и вовсе впала в шок, когда в нашем молчаливо-скандальном доме поселился взрослый грубый мужик, осматривающий меня, как пришедший в негодность товар.

– Ты что, Алиска, думаешь, что с сигаретой кому-нибудь будешь нужна? Да девчонка типа тебя должна целыми днями делать прически и гладить юбки.

– Зачем? – упиралась я.

– Затем, чтобы выйти замуж.

– Зачем?

– Вот ты дуреха. А как же иначе. Ты, в принципе, девка неплохая, ноги, грудь на месте. И может, даже кто тебя и захочет взять, если ты постараешься. Но пока ты красишься и куришь, шанса нет. Ты похожа на вокзальную шлюху. И штаны эти грязные выкинь.

После таких разговоров мне становилось совсем плохо дома. Если бы появился хоть минимальный шанс уехать, я бы, конечно, уехала. Но ехать было некуда, и я свела свое пре-

бывание в квартире к минимуму. Слава богу, у меня имелась своя комната. Если я приходила к двенадцати и уходила в семь-восемь утра, то могла никого вообще не встретить. Так я и передвигалась. Прислушаюсь, нет ли кого в коридоре, и только тогда иду на кухню. Быстро наплюхаю себе еды – и бегом в комнату. Все сигареты, и утренние, и дневные, я выкуривала вне квартиры. На лестнице, в другом подъезде, на другой улице… И на всякий случай зажевывала конфетами. Может, если бы домашние спокойнее отнеслись к моему курению, я бы не была вынуждена тратить столько времени на конспирацию. Может, тогда я больше бывала бы дома. А может, и нет.

Целыми днями я болталась по улицам, не желая видеть родню, и большую часть времени скучала. Никто из принцев со мной не знакомился, тяга к одиночеству начала ослабевать, мне страшно хотелось завести друзей. Вариант дружбы с местными компаниями я не рассматривала. Однажды, когда я бродила по району, пытаясь стрельнуть сигаретку, меня зазвали в одну разношерстную компанию, из которой я знала только Жанку Смагину. Она подошла ко мне и сообщила радостную новость: один их парень страстно мечтает со мной познакомиться. Я, конечно, не слишком-то воодушевилась, представляя себе общий уровень наших мальчишек, но на всякий случай решила пойти (а вдруг это ОН?).

– Ян, познакомься, это Алиса.

– Приветик, – оглядел меня с ног до головы смазливый и высокий Ян. Я видела его раньше, но не знала лично, так как он был почти взрослым – учился в ПТУ и на таких малолеток, как я, не смотрел.

– Здорово, – промямлила я. Ян – это круто. Я бы не возражала, чтобы он был ИМ. Это мечта – пройтись с ним в обнимку, называя его своим парнем.

– Чем занимаетесь? Закурить есть?

Сигареты выполняли среди нас – подростков – коммуникативную функцию. Спросив через плечо: «Курить будешь?» – мы узнавали, свой ли ты, не примешься ли, как все, нудно учить нас жить.

– На, держи. А ты не слишком маленькая, чтобы курить? – спросил Ян, задержав взгляд на моей груди.

– Я совсем не маленькая. Я уже работаю.

– Ого! – присвистнул он.

– Вот тебе и ОГО, – подтвердила я, как бы говоря, что я вполне достаточно взрослая для его внимания. Мы молча докурили, и Ян предложил пройтись.

– Пройдемся?

– Легко! – И мы пошли. Пока шли, его рука заползла змеей на мою талию. Я не возражала, он был слишком красив, чтобы в моей набитой гормонами голове осталась хоть одна мысль.

– Ты мне нравишься, – бросил он, и мы попятились в сторону лавочки в кустах. Там мы обнимались и целовались до вечера. Я была в восторге. Я была в восторге и всю следующую неделю, когда мы ходили в эту самую обнимку по району.

– Надо же, Алиска, как это ты Яна заполучила? – шипели школьные подружки, которых у меня отродясь не было.

– Как-то так. Легко. Дай сигаретку.

– А у нас есть пиво. Будешь?

– Конечно!

Какое-то странное меня охватило чувство. Я никогда не стремилась участвовать в этой бесполезной дворовой светской жизни, и никто особенно меня туда не зазывал, но стоило начать тискаться по кустам с Яном, как я тут же стала своей в этой бессмысленной тусовке. Я как-то не привыкла к такому тупому образу жизни. А через пару недель оказалось, что и в Яне нет ничего интересного, кроме его красивой рожи и страстного интереса к моим девичьим изгибам и округлостям. И вскоре сидение на лавочке в обнимку перестало меня возбуждать.

Я подумала-подумала и свела наши контакты к минимуму. Что говорить, я хотела познать жизнь во всей ее полноте. Слетать к звездам, дотянуться до луны. Узнать, что такое настоящая любовь. И слава богу, теперь я поняла, что Ян – это не она. Я возобновила свои гульбища по Москве, пока не произошло одно знаменательное для меня событие. На все знаменательные события моей жизни я просто набредала. В принципе и на Яна тоже, но он не в счет, так как таких ошибок у меня было еще немало. Прогулки по ночным паркам с Колей – администратором в овощном магазине. Он слюняво целовался и рассказывал, что у нас будет наверняка двое детей.

– Понимаешь, я очень хочу детей. У нас с тобой их наверняка будет двое. Ты хочешь детей?

– А как же! – подтверждала я. Вообще-то я всегда подтверждала то, что мне предлагалось подтвердить. Мне было страшно сказать: «Нет, милый, у нас не будет детей, так как я не собираюсь проводить свою жизнь рядом с администратором овощного магазина, который за полгода интимных встреч так и не смог от страха лишить меня девственности. Хотя и пытался».

Еще – смешной, румяный и толстый Миша, который умел водить машину и был гораздо старше меня. Мы познакомились на реке. Целоваться с ним у меня не было никакого желания, но вот поговорить о жизни и о мечтах, сидя в его белоснежной машине, – другое дело. Но когда он пытался меня обнять, я не всегда вырывалась. Мне опять-таки казалось, что если совсем-совсем ничего ему не предложить, то он прекратит звонить, катать на красивом автомобиле, и мне станет очень одиноко.

Так, потом еще Павлик, который кормил меня шоколадом и предлагал пожениться, как только он вернется из армии. Хороший мальчик, но какой-то очень домашний.

– Ты будешь меня ждать? Я буду тебе писать каждый день!

Я, конечно же, пообещала ждать, но выбросила его из головы, как только оттрубили гудки его призывного поезда. И не потому, что я такая жестокая. Просто не было у меня сил огорчить его ответом: «Нет, милый, как только ты отчалишь, я выброшу тебя из головы и пойду искать других впечатлений и радостей».

Он уехал, от него только и остались воспоминания о его сальных обжиманиях на последних рядах кинотеатра, после которых у меня чуть не отваливалась грудь. Все они были не ОН. Не ОН, и поэтому я чувствовала себя ужасно одинокой и несчастной, хотя и находилась постоянно в чьих-то объятиях. Может быть, правильно папа кричал, я действительно вела себя довольно распущенно. Но это оттого, что где-то в глубине души я не считала себя такой уж большой ценностью. И еще боялась, что при лишних капризах пропущу ЕГО, единственного, глядя на которого вся моя душа будет трепетать и петь, как в мечтах. И потом, к шестнадцати годам я оставалась девственницей. На всех углах кричали, что молоденькие девушки должны очень сильно опасаться за свою девичью честь. Но я, сколько ни старалась, так и не могла пристроить эту честь в хорошие руки. И к шестнадцати годам уже была готова плюнуть на это дурацкое дело.

Так однажды в начале осени, гуляя по Тверскому бульвару и рассуждая о смысле жизни и о любви, в которой меня никто не поддерживает, я свернула на какую-то невероятно красивую и старинную улицу. Она выходила на Манежную площадь, на этой улице была Консерватория, которая эхом и отголосками труб, фортепьяно и звенящих тарелок наполняла воздух. Такая красота, такая жизнь, такой полет мысли – я шла, завороженная, по тротуару, пока не уперлась в афишу.

«Единственный спектакль «Шаги Командора». Только 25-го числа и только в Студенческом театре».

Мне вдруг так захотелось попасть внутрь этого роскошного особняка, что я решила сделать вид, будто я страстный театрал, и зайти. Хотя, если откровенно, любовь к театрам была во мне похоронена под грудой превентивно-воспитательных походов на оперы и балеты, которые

с неистовством маньяка все детство организовывал мой интеллигентный папаша. Так я впервые переступила порог моего театра.

Глава 2
Восторги Мельпомены

Трудно было бы назвать мою буйную страсть к жизни полезной, особенно если бы об этом спросили стороннего человека. Чем должна интересоваться девушка средних внешних данных в шестнадцать лет?

Учиться, учиться и учиться. Гениальные слова воскового мертвеца в мраморном гробу. Почему бы действительно его не закопать? Всем стало бы проще. А то поливают его из газеты в газету, купая в помоях. Стражей – эротичных в своей неподвижности юношей – сняли, поставив кого-то в простой форме и со скучающим выражением лица. Но в качестве достопримечательности оставили тело. Нормальная такая достопримечательность – покойник в натуральную величину. Так вот, его слова на все лады перебирали мои родичи. И другие слова они находили, конечно, тоже.

– Ты будущая мать. Должна себя блюсти. Перестань шляться.

– Лучше бы дома посидела, матери помогла убираться и готовить.

Как же они меня задолбали, эти тупые, ничего не понимающие люди.

– Ты с кем-нибудь уже встречаешься?

– А что?

– Ты можешь нормально ответить на мой вопрос?

– Не могу. Никак, – грубо отмахивалась я. А что вы хотели, чтобы я вам честно сказала, что у меня никого нет? Что те, кто мне звонят и сопят в трубку, если слышат ваши голоса, – всего лишь приятели? Друзья, с которыми я треплюсь часами ни о чем? Вернее, конечно, о глобальных проблемах, об устройстве мира, о судьбе и удаче. О театре. Я заболела театром. Вовсе не потому, что полюбила этот вид искусства. Нет. Просто наконец-то я нашла место, сконцентрировавшее кучу интересных молодых (и не очень) людей. Таких, каких никогда раньше не видела.

В тот день я долго стояла в холле, ошарашенно глядя на улетающие ввысь колонны по периметру парадной лестницы.

«Ваше сиятельство, прошу, – шепнул кто-то невидимый мне на ухо, – вас давно ждут».

«Благодарю», – гордо кивнула я и, приподняв полы несуществующего платья, прошла по центру мраморного великолепия.

– Женщина, вы куды? Туды нельзя.

– Ась? – развернулась я. Мои мечты и грезы были разбиты бабусей-вахтершей. Она бдила на благо общественности.

– Вам чаво надоть? – Господи, какой колорит, какая речь, откуда только она взялась в самом центре снобистской столицы, эта старорусская старушка?

– Мне? – А действительно, чего?

– Ну ни мне жа?

– Билет. – Точно, это ж театр.

– А билеты у нас в администраторской.

– Это где?

– Тама, – махнула рукой в сторону боковой двери бабуся и села опять на стульчик у входа. Наверное, она сейчас примется вязать какой-то бесконечно длинный полосатый носок. Такие обычно можно надеть только на хобот слона.

– А там мне кого спросить? – вдогонку ей уточнила я, но вопрос эхом растаял под старинными сводами. Я отправилась внутрь, за дверь. Прошла мимо буфета, где меня недоверчивым взглядом проводила худенькая прыщавая буфетчица. Видать, не сильно я была похожа

на театрала, жаждущего билетов. За дверью оказался темный коридор, обложенный дверями, как в «Алисе» Кэрролла.

– Где тут у вас администратор?

– Кто?

– Администратор, – спросила я у неопределенного вида человека, длинного и пахнущего сигаретами и еще чем-то химическим.

– А вам зачем?

Ничего себе допрос. Как-то странно у них организована продажа билетов.

– Купить билет.

– А, это вам к Сереге. Вон та дверь. Давайте я вас провожу.

– Не стоит беспокоиться, – улыбнулась я на всякий случай. Голос у него был молодой, но тень полностью скрывала лицо, не давая его разглядеть. А определить, ОН это или не ОН, я могла только после визуализации.

– Никакого беспокойства. Тут такая темень, что вы переломаете ноги, пока дойдете. Вот, поворот, и вон в ту дверь. Теперь я за вас спокоен, – сказал голос и исчез. Только я и видела, что спину. Такую обычную мужскую спину. Фиг бы с ним, я открыла дверь и поняла, что здесь сидят прямо-таки наши люди. Один наш людь. Он оказался молод, лыс, одет в мешковатый свитер и курил, не переставая, отчего в комнате можно было топор от дыма вешать.

– Вы Сергей?

– Ну? – буркнул он, не повернув в мою сторону головы.

– А можно узнать, сколько у вас стоит билет на «Шаги Командора»?

– Конечно. Пятьдесят рублей.

– Спасибо, – сбавила обороты я. Дурацкая идея, все равно я не готова выложить такие деньги за непонятный билет. Не то чтобы это были большие деньги, но и их мне стало жаль, так как зарабатывала я немного.

– Будете брать?

– Нет, – печально пробормотала я и пошла к выходу. Но от расстройства решила хоть по крайней мере покурить.

– Сигаретки не найдется?

– Конечно, вот. Возьмите, – пододвинул он мне пачку.

– Спасибо, – все так же печально поблагодарила я. В таких странных местах, как это, я была впервые, и уходить отсюда мне совсем не хотелось. – Какие у вас интересные афиши.

– Это наши авторские разработки, – приосанился администратор Сергей. Тему я выбрала верную. – Мы с ребятами сами делали.

– Как это сами? А выглядит так профессионально, – восхищенно причмокивала я, глядя на рисованную абракадабру с едва уловимой надписью «Шаги Командора». Действительно, такой афиши я никогда не видела. И слава богу. Честно говоря, я немного потеряла, но политика моего общения с лицами мужского пола сводилась к полному одобрению и обожанию всего, что они мне преподносили. Так что меня прорвало. Как-то на автомате.

– У вас такая удивительная атмосфера, никогда не была в таких местах.

– Действительно, таких театров больше нет, – проникся ко мне интересом он.

– Да, и мне столько рассказывали про этот спектакль, что я ужасно хочу сходить.

– А чего не берете билет?

– Денег нет. Вот я узнала, сколько он стоит, теперь буду искать деньги. Но я обязательно вернусь, – улыбнулась я. – А скажите, вы сами реально общаетесь с актерами, бываете на репетициях? Это, наверное, так интересно.

– Очень, – кивнул он, – дело в том, что я сам некоторым образом актер. Администратор я для вида, только пока надо продавать билеты. Все равно я тут целыми днями.

– Серега, что ты тут устроил? Опять куришь какое-то дерьмо! – влетел в комнату несуразный паренек – худой, с кривыми ногами и конопатым лицом.

– Пойдемте, девушка, покурим? А то тут не дадут поговорить, – предложил мне Сергей.

– С удовольствием, – одобрила я, боясь спугнуть этот случайный контакт. Поговорить – очень хорошая идея. Можно просто стоять и слушать, впоследствии гарантированы приятельские отношения. Почему-то девушек, умеющих правильно и с выражением слушать, не сыщешь днем с огнем. Этот прием (захват собеседника в тиски его красноречия) меня еще никогда не подводил.

– Как вас зовут?

– Алиса. А вы правда самый настоящий артист? – хлопала я детскими восхищенными глазами.

Он еще резче принялся таять и растекаться в лужу у моих ног. Нет, не как мужчина. Тем более что его лысый контур меня не сильно возбудил. То есть это тоже был точно не ОН. Но мое признание его Личности не могло остаться незамеченным. На самом деле я давно заметила, что гораздо лучше люди начинают на меня реагировать, если демонстрировать дикий интерес к тому, чем они занимаются. Заметила и с тех пор неплохо научилась интересоваться живо и непосредственно даже тем, что меня совершенно не радовало. Ну, рассказы о хоккее, воспоминание о первых успехах в фотографии и тому подобное.

– Игрушечный, – усмехнулся Сергей и принялся рассказывать что-то из истории создания их театра.

Я слушала и в тех местах, где примерно понимала, о чем речь, задавала вопросы.

– У вас большая труппа?

– Очень, и какая редкостная. Если бы ты знала, какие у нас ребята играют. Из них многие еще станут большими звездами.

– А из звезд у вас кто-то играет?

– А как же. Из наших залов вышла одна очень известная рок-группа. Может, ты знаешь. Они и сейчас у нас во многих спектаклях играют.

– Здорово. Как интересно, – причитала я, – как бы я хотела хоть одним глазком взглянуть на это все.

– А ты знаешь, – мы уже были на «ты», – это не так сложно устроить.

– Правда? Ты сможешь? На самом деле? – Мое восхищение перед ним стихийно перетекло в поклонение.

– Постараюсь. Когда ты хочешь прийти?

– Да когда скажешь. Хоть прямо сегодня. Хоть сейчас.

– Отлично, подожди меня тут. – Он унесся, полыхая от восторга, которым я его завалила.

А я стояла и думала, зачем мне все это было нужно.

– Вот и все. Очень просто. Вот пропуск, репетиция начнется в восемь часов. А если хочешь, то можешь просто подождать.

Я подождала. Я сидела в администраторской и обалдевала от того, что могу попасть на самую настоящую репетицию. Вот что называется – вовремя зашел. Вечером я сидела на маленькой табуретке в комнате с изогнутым куполом потолка. Комнатка была старинной, в свое время, наверное, в таких делали светлицы царевен. Или боярынь на худой конец. Но в наше время стайка очень и не очень молодых людей окружила тут нервного дерганого мужчину лет пятидесяти, длинноногого, нескладного, в вельветовых штанах и шерстяной кофте на пуговицах. У него были красивые, но немного резковатые, немецкие черты лица.

– Наш режиссер, – почтительно пояснил Сергей, усаживая меня на табурет. Потом он что-то сказал на ухо этому режиссеру. Тот пристально посмотрел на меня пару секунд и кивнул. Я поняла, что мне позволено остаться. Вот чудо. Репетировали что-то невообразимое, по Кафке. Я Кафку никогда не могла дочитать до конца, не удавалось как-то продраться сквозь

многообразие его шизофренических образов. Пара первых листов – это мой максимум, хотя многотомные опусы Гюго и замороченные рассуждения Достоевского у меня шли неплохо. Наверное, я не умею наслаждаться отсутствием простого сермяжного смысла. Мое примитивное сознание нуждается в формулах типа: Раскольников – плохой, но не совсем, Соня – хорошая, но проститутка. Раскаяние искупает все. А повороты типа «папа приказал мне прыгнуть с моста, и я прыгнул» я не понимаю, особенно если вообще непонятно, откуда взялся этот папа. Вкратце – именно это и ставил вельветовый гений режиссуры. Мой Сергей (мой – потому что он был единственным, кого я тут знала) сидел в первом ряду круга и что-то вычитывал в толстенном потрепанном талмуде.

– Ты кто? – зашипело у меня над ухом.

– Я Алиска, – отрапортовала я от неожиданности.

– А я Катя. Ты новенькая?

– Что-то вроде того, – подтвердила я, хотя совсем не была в этом уверена. И не вопрос – захочу ли я здесь остаться. Захочу однозначно, когда у меня еще появится шанс потусоваться в таком дурдоме. Вопрос – позволят ли. И как вообще здесь появились все эти актеры и актрисы, так похожие на обычных людей?

– Перестаньте болтать, все! – заорал режиссер и принялся нервно прикуривать.

– А нам можно закурить? – полюбопытствовала я.

– Ты что! Это только режиссеру. Еще иногда Парфенин курит, но если уже к ночи. И те, кто в основных ролях, – она кивнула в сторону моего лысого знакомца.

– А он в основных?

– Еще бы. Почти во всех постановках, – завистливо присвистнула или скорее прошипела Катерина и замолчала.

Я посмотрела на Парфенина совсем другими глазами. Лысый не лысый, а артист первых ролей. Это вам не хрен собачий. А в центре круга меж тем что-то уже происходило. Вытащили из угла пыльный стол. Серега встал рядом и принялся, закрыв глаза, входить в образ. Наверное, будь он слюнявым красавчиком, его прикрытые веки и одухотворенно-отрешенное лицо смотрелись бы неплохо, но поскольку он более всего походил на лысую обезьяну, то его духовные потуги выглядели забавно.

– Здесь же невыносимо темно! – вдруг громко и неестественно вскричал он и вскочил с ногами на стол.

Я обалдела и уставилась на него. Надо же, как интересно можно играть эту бредятину. Только бы никому не проговориться, что я считаю это бредятиной.

– Темно здесь и вправду! – закричал в ответ изображавший дряхлого старика мальчик и тоже запрыгнул на стол. Они замерли и принялись сверлить друг друга взглядом. Режиссер при этом с восторгом закатывал глаза и шипел:

– Тяни, тяни паузу. От так! Молодца, – и дал отмашку рукой. После этого тот, что изображал старика, молниеносно запрыгнул к Сергею на руки и, приняв позу зародыша, дурным петушиным голосом прокукарекал:

– Мне так лучше.

Я ошалело смотрела на происходящее. Даже если оставить в стороне сомнительную художественную ценность этого диалога, то их слаженные, непостижимые прыжки уже стоили аплодисментов. Серега немного поукачивал этого старика-прыгунчика, они еще поговорили о всякой бессмыслице, после чего решили поругаться.

– Знаю, укрыть меня хочешь, яблочко мое, но я еще пока не укрыт! – вскричал старик, и Серега бросил его на пол. Старик (который мальчишка) весьма достоверно упал, ударившись головой о край стола. Я бы даже сказала, что он не очень-то и разыгрывал сцену. Натурально грохнулся. Серж захохотал, а ушибленный, вытянув вперед длинный кривой палец, громогласно объявил:

– Ты был невинным ребенком, но в самой своей сущности был ты исчадием ада! А потому знай: я приговариваю тебя к казни водой! – сказал и принялся отползать. Серега же начал демонстрировать чудеса пластики и танца. А все присутствующие на репетиции похватали с пола какие-то звенелки, трещалки, гармошки и бубны и давай в это все дудеть, бить и тыкать. Я не смогла удержаться и тоже вцепилась в бутылку из-под пива. Я прекрасно умела выдувать из пивных бутылок заунывные тягучие звуки, чем и занялась, добавив общей какофонии элемент трагичности. Серега неистовствовал под сопровождение звукового идиотизма некоторое время, после чего рухнул со стола с криком:

– Милые родители, я ведь вас всегда любил!

Режиссер дирижерским жестом (примерно так, словно он рывком поймал муху в кулак) велел нам свернуться, и мы заткнулись. Оказалось, что это конец. Что-то в этом всем было, так как я вся тряслась и дрожала от перевозбуждения.

– Кто тут дудел? – спросил режиссер.

– Да тут все дудели.

– Нет, в бутылку. Из галерки. – Это что, обо мне? Черт, зачем я полезла!

– Это новенькая. – Кто-то «добрый» ткнул в меня пальцем. Я поднялась и принялась извиняться.

– Я не знаю, что на меня нашло. Так просто. Я не буду больше мешать, – бубнила я.

– Да прекратите. Отличные звуки. Очень подчеркнули трагизм сцены утопления.

– Утопления? – удивилась я. Никогда бы не подумала, что тут кто-то утонул.

– Конечно. Всегда в этом месте дудите. И пересядьте к музыкальному сопровождению.

– Но я… Я не в труппе.

– Почему? – не понял он.

– Меня Сергей пригласил.

– Очень хорошо. Значит, теперь в труппе, – бросил он мне и вышел, оставив после себя клубы сигаретного дыма.

Я стояла потрясенная. Я в труппе! Неужели он это всерьез?

– Ну как? Понравилось? – подскочил ко мне Сергей Парфенин, явно ожидая восторгов.

– О, непередаваемо. Какая глубина мысли, сколько подлинных чувств, – я вспоминала все, что обычно из себя извергал папаша, чтобы подчеркнуть мою нечувствительность к прекрасному.

– Хороший сценарий?

– Лучше не бывает. Но ты его несказанно оживил. Столько настоящего. Просто забываешь обо всем и не можешь оторваться. – Черт, как он не чувствует фальши в моем голосе?

– А как сцена в финале?

– Ты понимаешь, конфликт отцов и детей – такая емкая тема! Так трудно ее охватить. И то, как вы это делали всего за несколько минут, – я вижу впервые.

– Кажется, сегодня я был в ударе, – подвел итог Парфенин. Он был доволен. Откуда в моей льстивой голове набралось такое количество умных слов – не поняла и я сама. Но смотрелась я очень неплохо.

– Тебя, кажется, приняли в труппу.

– Да, чтобы дудеть на бутылке.

– Ерунда! Все с этого начинали!

– Правда? – удивилась я.

– А как же? Тебя ждет большое актерское будущее, это определенно, – решил он вернуть мне часть комплиментов. На секунду показалось, что мы уподобились собакам, вылизывающим друг другу зады ради счастья слышать и видеть друг друга.

– Спасибо. Но я не знаю, что мне теперь делать.

– Во-первых, пойдем, я выбью тебе постоянный пропуск, пока все не позабыли, кто ты такая.

– Это правильно.

– Во-вторых, каждый день после пяти часов – репетиция. Но и днем происходят интересные мероприятия. Расписание – здесь, – ткнул он пальцем в доску на стене. Там мелким шрифтом было выбито: мастерство – 13 часов, реж. тренинг – 15 часов.

– Это на завтра? Что такое – мастерство?

– Основы актерского мастерства. Очень классные занятия. Придешь?

Еще бы, он еще спрашивает. Да я тут буду теперь дневать и ночевать, так все тут интересно. Вдруг повезет, и я еще где-нибудь буду дудеть в бутылку?

– Конечно.

Я получила пропуск и понеслась домой, так как оказалось, что уже первый час ночи. Нормально так мы порепетировали. Теперь бы успеть на метро, чтобы не ночевать на улице. Интересно, а как остальные попадают домой, если репетиции заканчиваются черт-те когда? В итоге оказалось, что в этом странном театре все происходит через одно место, что отнюдь не умаляет его ценности. Репетиции здесь не только кончались за полночь, но и начинались в самые непредсказуемые моменты. Иначе говоря, тогда, когда захочет режиссер. Все у нас было подчинено его деспотической воле. Гений и тиран, он невероятным образом приковывал нас к своему детищу, заставляя без оглядки влюбиться во все, что он только ни задумывал. Кафка оказался самым невинным из его развлечений. Он ставил матерные пьесы по сценариям советских диссидентов, от которых на первых прогонах у меня уши вяли. Он брал «Лира» Шекспира и переносил в настоящее время, заставляя его дочерей бегать голыми по сцене, а самого старика-короля одевал в джинсы и увешивал цепями. Трагедия превращалась в черт-те что, но зрители неистовствовали. Чтобы заставить всю имеющуюся в его руках бестолковую молодежь слаженно и достоверно разыгрывать все это безобразие, он проводил бесконечные занятия по поиску единого духа труппы, на которых мы то хлопали хором, то с завязанными глазами пытались повторить движения партнера с такими же завязанными глазами. Все это было бы полным идиотизмом, если бы я не видела, как два актера основной труппы после нескольких часов репетиции двигались в плавном синхронном танце, разделенные черным покрывалом и повязками на глазах. Они вместе начинали движение в полной тишине, словно бы кто-то невидимый отдавал им команду. И он же на ушко им подсказывал, куда и как повернуть, под каким углом поднимать и опускать руки. И, наконец, когда остановиться.

– Невозможно! Немыслимо! – совершенно искренне, без подхалимажа выкрикнула я, когда это увидела. На следующий день мы сыграли спектакль, от которого зал просто обезумел. И ни матерщина, ни голые задницы никого не смущали. Даже, возможно, радовали. Я играла роль ветерка.

– Давай, давай! Как там тебя? Алиска! Маши!

– Пора? – с замиранием сердца спрашивала я и начинала из-за кулисы размахивать здоровенным куском картона.

– Стихай! – жестами (неприличными по большей части) показывал мне режиссер. Я начинала махать медленно. Со сцены меня не было видно совершенно. Только в импровизированном окне, нарисованном на ватмане и подсвеченном лампочкой софита, от моих усилий очень красиво колыхалась занавеска. Причем именно тогда, когда к окну подходил кто-то из главных ролей.

Вообще спектакли у нас случались нечасто. Примерно два раза в месяц. Остальное время мы их готовили. В отличие от сухих и безжизненных театров моего детства, где актеры играли «Репку», раздумывая о зарплате и буферах практиканток, в нашем театре ни один спектакль не был похож на другой. Даже на самих себя. Каждый раз – словно премьера. И при этом мы имели счастье быть тем, что называется модой. В Москве десятки полупрофессиональных студий и

сотни доморощенных трупп пытаются донести до мира свое видение не пойми чего. А вот наш вельветовый гений прочно и уже довольно давно находился на волне успеха и популярности. Про наше заведение регулярно писали в газетах. К нам приезжали дяденьки с телевидения, тетеньки из журналов. Я уже была вполне готова рассмотреть вариант того, что именно режиссер – ОН в моей жизни, но оказалось, что у него есть красивая и очень цепкая жена и именно в ее наманикюренных ручках сконцентрировались нити профессионального успеха нашего непрофессионального театра. Я решила не влюбляться, дабы не оказаться крайней в деле гибели дела жизни Режа. Театр, мое право являться туда ежедневно, право махать картонкой в Шекспире, бить в медные тарелки аж четыре раза в третьем акте «Шагов Командора» и дудеть в Кафке – стало для меня всем. Как же я была там счастлива! Меня учили танцевать, владеть телом. Учили чувствовать скрытые ритмы спектакля, распоряжаться пространством сцены. А кроме того, поскольку весьма часто репетиции заканчивались все-таки после закрытия метро, у меня появились чудесные ночи в театре. Ночи среди пыльных портьер, кофров с костюмами и папье-маше, чтение Булгакова при свечах, бесконечные чашки кофе с сигаретами. Деньги в этом мире не значили ровным счетом ничего, поэтому я уволилась из своего магазина и принялась днем помогать в театре. Мне платили малюсенькую зарплату, давали проездной и бесплатно кормили бутербродами.

«Это счастье», – каждый божий день говорила себе я.

– Это безобразие. На что это похоже? Ты наверняка врешь, что ходишь в театр!

– Почему?

– Потому что ты ни на один из спектаклей не пригласила нас с отцом. Ты просто шляешься или у мужиков ночуешь. Смотри, доиграешься!

– До чего?

– До того, – краснела мать. Вполне очевидно, что она имела в виду, но я так далеко была от ее мыслеформ, что отмахивалась.

Мне дали роль привидения в новом сюрреалистическом спектакле «Старый замок» по кому-то из непризнанных гениев, умерших в страшной нищете. Я появлялась в полупрозрачном балахоне практически в каждом акте, а под занавес даже участвовала в диких плясках ведьм и привидений. Ну и что, что призраков около десяти. Все равно это куда круче, чем дудеть и махать картонкой. Но разве могла это понять моя мать? Или мой отец? Или мой самовлюбленный братец-садист, что вообще невозможно по определению? И что, они бы хотели, чтобы я их туда пригласила?

– Да я никогда вас туда не позову. Не хватало мне, чтобы вы меня опозорили.

– Ах ты дрянь! Это кто кого позорит! Шалава! – Под эту какофонию я по-тихому выскальзывала из дома и старалась любой ценой так задержаться на репетициях, чтобы домой ехать было совсем незачем.

Глава 3
Большое и светлое чувство

Странно, что мы с ним снова столкнулись только через полгода после первой встречи. Именно снова. Я его не узнала, да и не могла узнать, так как в тот раз он был скрыт тенью темного коридора. Но его голос я все же узнала.

– Алло, девушка, куда бежите? Опять за билетами?

Я обернулась на его смешливый басок.

– Вы кто?

– А вы кто? Очень приятно поговорить с вежливыми девчонками.

– Вы показали мне дорогу в дежурку! – вспомнила я.

– Ага, но похоже, что вы решили перебиться без билета. Так что вы теперь тут делаете? – улыбался он.

– Я? Привидение играю. А вы?

– А я рисую башни нашего триллерообразного замка. Так что мы с вами в некотором роде коллеги.

– Вы рисуете декорации к «Старому замку»? – поразилась я.

– А что вас так удивляет?

– Ну, вы слишком… – я решила от греха подальше заткнуться, чтобы не наболтать ерунды, уже готовой сорваться с языка. Я хотела сказать, что для художника он слишком обычный. Среднего роста, коренастый, с некоторым количеством мышц на руках. Джинсы, ботинки, байковая рубашка в клетку. Ничем не напоминает богемного театрального художника.

– А, нет пятен краски и идиотического взгляда!

– Что-то вроде того, – опустила я глаза.

– А вы мне нравитесь. Определенно. Хотите кофе?

– Если только с сигаретой, – ответила я. Кофе без сигареты для меня было примерно как ежик без иголок. То есть нереально.

– Нет проблем. И почему вы, девчонки, курите, как паровозики?

– Это не ваше дело. Идемте! – скомандовала я.

– Ого! – порадовался он. – Слушаюсь!

– Не смешно. – Я доскакала до буфета. Он купил мне сигарет и кофе.

– А вы не курите? – удивилась я. После дурного примера режиссера не курить у нас считалось чуть ли не дурным тоном.

– Нет. Я и так нахожу чем травиться.

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, краски очень токсичны. Мне хватает запахов растворителя и ацетона. Да и в машине тоже масса ароматов. Выхлопные газы, бензин, тосол. Мечта токсикомана.

– Да уж, – я с уважением на него посмотрела. На самом деле, передо мной впервые в жизни сидел человек, державшийся так естественно и уверенно за рулем. И сам решающий, курить ему или не курить.

– Послушайте, милая девушка. Как вас зовут?

– Алиса.

– Чудесное имя. А меня Артем. Будем знакомы. Пока спектакль не выйдет, я часто у вас тут буду. Многое придется переделывать. С нашим гением всегда так. До последнего не понимает, чего же хочет. А я – страдай.

– Тяжело, – кивнула я, впрочем, без особенного сочувствия.

Мы посидели еще. Был день, до занятий еще оставалась пара часов. Дело было вечером, делать было нечего. В смысле, мы сидели и неторопливо поглощали симбиоз хлеба и доктор-

ской колбасы и болтали. Как получилось, что я легко и приятно провела несколько часов с совершенно чужим человеком, я сама не поняла и не заметила. Оказалось, что он прекрасно умеет слушать. Обычно эту почетную функцию оставляли мне, но он словно провоцировал меня болтать, болтать и болтать.

– У тебя есть брат? Сколько ему лет?

– Я не хочу о нем.

– Вы не ладите, – с пониманием и проникновенно произносил он.

– Он просто тупой чурбан. Ест, спит, пьет и гуляет по девкам. Пустая и бессмысленная жизнь.

– А родители, как они относятся к театру?

– Ужасно. Ты не представляешь, как они меня порой достают.

– Понятно. А парень у тебя есть?

– Да полно, – застеснялась я. Но он так как-то просто и душевно разговаривал, что из меня выпадали все новые и новые подробности моей жизни.

– Еще кофе?

– Ты знаешь, у нас к Кафке просто уникальные декорации сделаны. Это твоя работа?

– А как же. Моя. Даже взяла каких-то призов за самобытность. Но это просто случайность. Никогда не знаешь, что сработает. Может, и Кафка, а может, и акварельный набросок, который ты навалял за пять минут перед сном, чтобы просто передать радость от встречи с любимой девушкой.

– У тебя есть девушка?

– А тебя это удивляет? Я так невероятно страшен, что девушки меня должны обходить десятой дорогой? – рассмеялся он.

– Нет, ну что ты. Ты очень даже красивый. И такой интересный, – залепетала я. И кстати, совершенно искренне. Что-то в нем такое было, что делало его невыносимо привлекательным. Именно по-мужски привлекательным. Шершавые ладони, постоянно смеющиеся карие глаза, широкая мужская грудь.

– Как много эпитетов! Прямо-таки примусь сейчас краснеть.

– Ерунда.

– Алиска, ты чего тут торчишь? На пластику не пойдешь?

– Почему? – уставилась я на Костика-Щепку. Он был моим ровесником, мечтал о славе и прочих лаврах, мы порой с ним вместе разыгрывали разные глупые сценки и бодрили друг друга заверениями в обоюдной гениальности.

– А она уже началась! – с укоризной произнес он.

– Иди, Алиса, иди. Плохо прогуливать уроки, – ехидно напутствовал меня Артем и ушел. Я почувствовала необъяснимое раздражение.

– Что ты лезешь? Я тебя просила меня дергать? Ведь я же с человеком разговаривала.

– Это с Темкой, что ли?

– А что, вы с ним так близко знакомы? И давно? – навалилась я на него.

– Да нет, просто сталкивались на репах. – Репы – это у нас репетиции сокращенно.

– Ну и зови его Артемом. А еще лучше, по отчеству.

– Пошли уже, все с тобой ясно, – примирительно буркнул Костик.

Мы отправились в зал и там, на сцене, в черных трико гнулись и крутились, смешно и нелепо подражая гуттаперчевым гимнастам. Режиссер не оставлял надежды сотворить из нашего студентообразного стада сонмы акробатов и балерин. Пластику я не любила совсем, а с этого дня перестала ее переносить вовсе. Артем на глаза мне не попадался. Этот факт расстраивал меня более ожидаемого. Гораздо более. Я, по правде говоря, постоянно высматривала его среди блуждающего по театру народа. Не попадался он еще неделю, пока однажды не проехал мимо на своей машине. В машинах я не разбиралась, поняла только, что это какая-

то советская модель. Но моим, например, предкам не светила и такая. Когда-то папа пытался извернуться и отложить из своей инженерной зарплаты сумму, достаточную для приобретения «Запорожца». Но мы с братишкой наперебой требовали то брюк, то курток, то ботинок. И в парке мы не могли гулять просто так. Только при мороженом и на карусели. В общем, планы пересесть на колеса приказали долго жить. Я до сих пор помню, как сложно было завести даже такого уродца, как «запор». Но у Артема имелся вполне приличный агрегат. Нестарый, с мягкими сиденьями, очень уютный. Все это я смогла выяснить, когда он повез меня домой на этом волшебном коне. Было около десяти часов вечера. Я стояла у театра и пыталась прикинуть, сколько воды начерпаю, пока добегу до метро. Сквозь темень центра столицы лили ведра дождя, создавая невидимую завесу. Зонтик не котировался. Дождь лил и сверху, и сбоку, и даже как будто снизу, отпрыгивая от земли.

– Грустно, девушки. Что вы здесь делаете в такой час, милая девочка Алиса? – сквозь приоткрытое окно машины спросил он.

– Стою. Думаю, может, и не ездить домой.

– Промокнуть боитесь?

– Ага, аж вся от страха посерела.

Что он, издевается? Сидит в сухой тачке и беседует. А я, между прочим, продолжаю мокнуть.

– Ну-ка, садись в машину. Ты уже домоклась до того, что начала бредить.

– Это уж точно, – сказала я, продолжая стоять.

– Что ты не садишься? – не понял он.

– Мне и тут хорошо. Тепло, сыро. Как в родном болоте, – пробормотала я. Какой смысл сидеть в тачке, если я не желаю попадать домой.

– Что ты несешь?

– Да я и правда думаю, что останусь в театре. Мне от метро до дома еще полчаса пешкарусом плестись. Здесь ты до метро добросишь, а там я превращусь в водоросль. Лучше пойду чайку попью. – Я развернулась и пошла к двери театра.

– Постой, – выскочил он из авто. Его свитерок тут же намок, волосы от воды прилипли ко лбу. Он задрожал и стал ужасно смешным. Эдакий цуцик.

– Что ты смеешься? – возмутился он.

– Ты на цуцика похож, – не сдержалась я.

– Вот как. Может, все-таки я могу подвезти тебя до дома?

– До самого дома? – удивилась я. – А тебе это зачем?

– Отлично. Хочешь порадовать понравившуюся девушку, а она спрашивает – зачем это мне.

– Я тебе… – запнулась я. И хотя до этого уже на полном серьезе решила остаться и переночевать на костюмах, теперь поняла вдруг, что меня неудержимо тянет домой.

– Именно. А ты меня обзываешь цуциком.

– Поехали, – согласилась я и попыталась открыть дверцу машины. Она была против. Только после убедительного внушения от Артема и пинка его сильной ногой в нижнюю левую ее часть я смогла попасть внутрь. Артем к тому моменту уже окончательно вымок и разозлился. Он резко встряхнул мокрыми волосами, завел машину и понесся по Тверской.

– Вот ты скажи мне, объясни… Вот как ты себе представляешь цуцика?

– Чего? – оторопела я.

– Цуцика. Ты сказала, что я похож на цуцика. Вот я и пытаюсь выяснить, как выглядит обычный рядовой цуцик. Среднестатистический.

– Примерно как ты, – ляпнула я и покатилась со смеху. Он посмотрел на меня, покрутил пальцем у виска и тоже расхохотался. Мы смеялись и перешучивались всю дорогу до дома, тем

более оказалось, что живем мы в одном районе, около Речного вокзала. Только он у одного выхода из метро, а я – в получасе ходьбы от другого.

– Интересно, что познакомились мы с тобой в стенах культового молодежного театра.

– Эк ты сказанул!

– А то. И ведь живем в этих местах кучи лет. А не сталкивались.

– Не судьба, – кивнула я.

– А теперь, значит, судьба? – то ли спросил, то ли, наоборот, заявил он. Мы стояли в проулке недалеко от гостиницы «Союз» и вели долгие романтические беседы. Его откровенно забавляло сочетание моего нежного (с его точки зрения) возраста и недетского жизненного опыта.

– Так ты и правда уже где-то работала?

– Я и сейчас работаю. Администратором в театре. На полставки.

– Обалдеть. А школу-то ты закончила?

– Некоторое количество классов закончила, – улыбалась я.

– Уточнять не будем?

– Нет! – гордо поворотила я от него нос.

Он брал меня за руку, нежно гладил пальцы и продолжал свои бесконечные вопросы.

– А как это мама тебя так поздно отпускает?

– А что ей за дело?

– Ну, вдруг ты попадешь в лапы развратному взрослому дядьке.

– И что?

– А он тебя плохому научит! – улыбался он. Если бы он только знал, как давно я пытаюсь научиться плохому. Пока что я смогла научиться только поцелуям взасос и тому, что табачный запах отбивается лучше всего мятными пастилками «Холодок».

– Да прям. И чему же?

– Целоваться в машине, например, – сказал он и принялся меня целовать. Я замерла и от неожиданности чуть не прикусила губу. Так, пожалуй, со мной еще никто не целовался. Вежливый поцелуй незнакомца, с некоторой долей авансов на будущее. Легкое волнение и удовольствие, как от десерта. Уверенно и по-деловому он обнял меня за плечи, развернул к себе, чтобы ему было удобнее. Меня бросило в жар. Так по-взрослому и так уверенно со мной еще никто себя не вел.

– Так, стоп. А то мы доиграемся, в самом деле.

– Почему? – расстроилась я. Почему бы нам и не доиграться, в самом деле?

– Потому что я еще не готов сесть в тюрьму за совращение малолетних.

– Я уже большая.

– Это я заметил.

– Мне шестнадцать, – гордо сказала я.

– Ага, прямо старуха. Считаешь, то, что тебе шестнадцать, должно меня сильно успокоить.

– Не поняла?

– Если бы тебе было двадцать, я повез бы тебя к себе на квартиру и мы бы провели вместе прекрасную ночь. Но тебе шестнадцать, ты наверняка девственница. Я не готов и не хочу такой ответственности. Я довезу тебя до дома, и мы все забудем, о'кей? – Он был такой красивый, такой мужественный. То есть теперь он казался мне ужасно красивым и мужественным. И именно потому, что все сказал так откровенно и мягко. А еще потому, что с каждым словом становился все более недоступным. А мне так вдруг невыносимо захотелось этой ночи, проведенной вместе. Прекрасной ночи.

– Я живу вон в том доме, – заставила я себя махнуть рукой в сторону выезда. Он молча поехал.

Было уже около двух часов ночи. Я устала, но не могла уснуть. В квартире стояла тишина, я перебирала в памяти каждое его слово, вспоминала каждый жест. Больше всего меня радовало, что после того, как он высадил меня у подъезда, еще долго стоял и смотрел куда-то вдаль. По крайней мере, оставалась надежда, что он тоже сожалел, что эта возможная ночь не сложилась.

* * *

Он не стал избегать меня. Не стал, хотя я этого очень боялась. Обычно, если у моих знакомых особей мужского пола что-то не склеивалось, они начинали ходить мимо с таким видом, будто я размером с моль. И замечать меня им по рангу не положено. Артем не стал делать вид, что видит меня впервые, да и то плохо.

– Приветики привидениям. Как творческие успехи?

– Отлично, – улыбнулась я.

– Кофейку попьем? – предложил он, и мы продолжили наше знакомство, снова часами болтая обо мне, о моих делах, моих ролях, моих родственниках.

– Что тебе во мне? Почему тебе это все так интересно? – спрашивала его я.

– Ты необычна. Ты даже для привидения необычна. Очень интересно, что происходит в твоей юной головке.

– В моей юной головке вопрос – чего бы пожрать? И покурить.

– Как банально. А ты правда так любишь курить? Это же невкусно.

– Почем ты знаешь? – презрительно бросала я, но на самом деле подумывала: может, и вправду бросить, раз ему не нравится? Спектакль, к которому он целыми днями рисовал декорации, был уже почти готов. Премьера намечалась на октябрь. И вот где-то в начале октября он предложил мне посмотреть его картины. Я со свойственным мне юношеским максимализмом решила, что вот оно! Пришло! Ан нет. Мы поехали на его машине куда-то в тмутаракань. В Беляево. И там, в общежитии Университета дружбы непонятно каких народов, он завел меня в зал, где размещалась его выставка. Совершить в его стенах грехопадение исключалось, там бродили унылые личности голодного вида. Что они хотели увидеть там, я не поняла, но и расслабиться не получалось. Словом, пришлось мне пропитываться прекрасным. Раз уж не сам Артем, так хоть его картины.

– А вот это – эскиз к вашим декорациям. Похоже? – сиял от удовольствия он. Видно было, что в своих картинах он находил смысл всего. И жизни в том числе.

– Очень, – присвистнула от восторга я. Его картины были действительно очень хороши. Правда, допускаю, что все, к чему прикасалась рука Артема Быстрова, казалось мне гениальным. А может, так и было. Я бродила между больших и маленьких картин. То пейзажи с летними реками, то портреты неизвестных мне людей, то сказочные дома и таинственные лики на фоне фантасмагории красок.

– Ты дико талантлив, – шептала я, хотя до того дня не представляла, что могу получать удовольствие от живописи. Я любила книги, слушала музыку, мечтала научиться играть на гитаре. Но создание картины казалось чем-то не то чтобы бессмысленным, но все же и не имеющим особого смысла. Жажда запечатлеть мир на полотне грубого льна обошла меня стороной. Но тут впервые я поняла – есть люди, для которых в этом вся жизнь. И раз уж так получается, что я этого человека люблю, то надо срочно заделаться ценителем живописи. Идеальной подругой гениального художника.

– О чем ты грезишь? У тебя лицо, словно ты миску сливок вылакала!

– А? Что? – пришла я в себя. Как это так, я его люблю? О чем это я? Мы же с ним просто приятели. Но слово прозвучало в моей голове. И это нельзя было игнорировать. Я его люблю. Когда же я успела? И он не давал мне поводов.

– Да что с тобой? – раздосадованно тряс он меня за плечо.

– Я под впечатлением твоих картин. Они завораживают. Словно уносят по широкой реке, – понесла я какую-то чушь.

Он посмотрел на меня очень тепло и спросил:

– Тебе правда понравилось?

– Не передать.

Он отвез меня обратно в театр. Но после этого дня я поняла, что он точно не сможет справиться с собой. Не сможет петь мне сказки про мои младые года. Остается только подождать. Причем совсем немного, как оказалось. Буквально на следующий день он пригласил меня посмотреть на его декорации в их последней, так сказать, редакции. Только-только кончилась репетиция, народ потянулся домой. Мы с Артемом вернулись к сцене. Вот уж не думала, что все может произойти именно так. Так удивительно и так прекрасно. Только я и он, и темные провалы пустого зрительного зала. Мягкий свет падал на таинственный замок, плод его фантазии и его труда. Мы заперли двери, я сидела в первом ряду, а он рассказывал, как рисовал тот или иной стенд. Болтал без умолку, как будто пытаясь удержать меня этой болтовней.

– А если в правый угол направить свет с синим фильтром – будет эффект многовековой пыли. Ты не представляешь, как трудно добиться такого.

– Это удивительно. Какая красота. Я столько раз их видела, но, оказывается, ни разу не смотрела!

– Выпьешь вина? – спросил вдруг он. Мы ни разу не пили с ним ничего крепче кофе.

– Конечно.

– Тогда иди ко мне, – протянул он мне руку.

Я вскочила на сцену и взяла у него бог весть откуда взявшийся поблескивающий бокал на тонкой ножке. Сцена. Какое-то магическое место. И чудотворное, и убийственное. Многие душу готовы продать за право покривляться здесь три часа на глазах у сотни зрителей. Многие, и я тоже.

– Ты так хороша. Ты уверена, что хочешь этого? – спросил, глядя мне пристально в глаза, он.

– Чего – этого? – притворилась валенком я.

– Меня. И этой ночи. Сегодня, здесь.

– Лаконично, – растерялась я.

– Именно. Если не хочешь, давай выпьем немного вина, и я отвезу тебя домой.

– Я хочу, – тихонько шепнула я и отошла в дальний конец сцены, к портьерам. Он напряженно смотрел мне вслед.

– Игра началась?

– О да! – засмеялась я. Мне хотелось выглядеть взрослой. Хотелось дразнить его и мучить. И мне вполне это удавалось.

Он залпом допил вино и нагнал меня.

– Сегодня мы будем не только целоваться.

– Конечно же, нет.

И мы принялись целоваться. Он прижал меня к себе. Бережно, сильно. Все, что только можно представить.

– Как же так получилось, что ты еще девочка?

– Ждала тебя, наверное, – вздохнула я.

– Ну конечно, – прищелкнул он языком и расстегнул блузку. Я не знаю, где мои эрогенные зоны, но мне казалось, что они в тот день были везде.

– Красиво! – восхитился он, накрывая ладонями грудь. Все мои мальчишки сжимали ее так, что мне становилось больно. Я терпела, не находя в себе сил сказать: «Что ты творишь, баклан? Это ж не эспандер!» – но про себя твердилось именно это, отчего весь романтизм

исчезал, практически не начавшись. Артем же ласково и осторожно касался груди, гладил ее, целовал. У меня кружилась голова, тряслись руки. Я то краснела, то бледнела, отчего Артем только смеялся и заводился еще больше.

– Ты стесняешься? Потрясающе, что ты еще стесняешься. Дай-ка на тебя посмотреть!

– Прекрати! – прикрывалась я руками, а он расцеплял их и смотрел, отчего я становилась пунцовой. И постепенно мы стали не говорить, а шептать. Стих его смех, кончилось вино. Я лежала голая на крышке рояля. Он стоял надо мной, точно коршун. С расстегнутой рубашкой, с потемневшими глазами. С огромными шершавыми ладонями.

– Здесь где-то есть матрасы, – осипшим голосом сообщил он мне.

– Кажется, в кофрах около лестницы.

– Подождешь?

– Да, – я чуть не плакала от наплывших чувств. Итак, сейчас все случится.

– Пойдем! – как-то спокойно и немного отрешенно сказал он. Но идти мне не дал, поднял на руки и донес до импровизированного ложа страсти. Пара матрасов, тряпье, старые костюмы. Несколько колючих клетчатых одеял. На всем отблески прожектора – единственного источника света в зале. Луч света в темной загадочной пустоте и наши переплетенные тела.

– Ты прекрасна. Я буду рисовать тебя всю оставшуюся жизнь, – сказал он, раздеваясь.

Я молча смотрела на него и ждала. В этом было что-то невыразимо чувственное. Настолько, что когда он взял меня, мне практически не было больно. Только желание стать его частью, стать раз и навсегда. Я мечтала о большой любви и теперь знала – это она. Я не сказала об этом ему. Кому нужны глупые слова, когда все читается в наших сплетенных руках, в том, что он не может от меня оторваться. Отдаваясь его жадной жажде, я поняла, что столь неизвестное раньше счастье пришло. Час за часом были полны любви. Потом он уснул, прижав меня к себе. А я лежала и смотрела вверх, куда-то туда, где, по моим представлениям, мог быть Бог. Смотрела и думала: «Он самый лучший. Как же мне повезло». А он спал, уткнувшись мне в грудь. Мы лежали на старых театральных матах, укрывшись тряпьем, и наполняли друг друга счастьем. Тогда мне показалось, что так будет всегда.

Глава 4
Стихи и проза

Премьера спектакля «Старый замок» прошла на ура. Впрочем, у нас все всегда проходило на ура. Полный зал, журналисты с мигающими вспышками фото– и видеокамер. Мечтательно-потерянный, растрепанно-важный, гениально-непостижимый Режиссер бродил по холлам и коридорам, заглядывая всем в глаза.

«Великолепно! Все идет просто прекрасно!» – все поголовно сообщали ему каждую минуту, но ему все равно было мало. Его жена носилась помелом, решая текущие проблемы и сложности. Почему у нас ни один спектакль не обходился без текущих сложностей, я не понимала. Всегда или костюм главного героя порвут, или фильтры света потеряют. Вот и сейчас все скопом искали исчезнувшие бесследно бамбуковые дудки. А ведь они немаленькие. Скрученные между собой бамбуковые палки разного диаметра, то высокие, то коротенькие. Сооружение в полметра шириной и в метр длиной. Вот и пойми, как такую хреновину умудрились потерять. Спектакль уже шел, а дуделок все не было. Я, как самое активное привидение, искала их в интервалах между выбеганиями на сцену. Босая, в балахоне, с взбитыми в какое-то суфле волосами, я пугала зрителей, вышедших в туалет, и буфетчицу.

– Ну что, нашла? – чуть не со слезами бросалась ко мне жена Самого.

– Нет.

До антракта осталось пятнадцать минут. Что же делать! Второй акт должны были открывать этими дудками. Такая экспрессия, накал таинственности и силы. Дудка, колокола и привидения в большом количестве пляшут на сцене и между рядов дикий запредельный танец. Слет ведьм и вурдалаков. И как, интересно, мы это замутим без дудок?

– Посмотри под лестницей!

– А что, там не смотрели? – удивилась я и понеслась. Мимо буфета, в боковую дверь, под вопли ребеночка:

– Мама, это кто? Я боюсь!

– Это, деточка, артисты.

Интересно, почему это артисты. Нас что, много? По-моему, я бегу одна. Так, поворот, лестница к сцене. Вот он, кофр с реквизитами.

– Тебе чего тут надо, Алис?

– Не видели дудки?

– Бамбук?

– Ага.

– Не-а. А что, так и не нашли? – тупо поинтересовался Костик.

– Щепка, ты совсем идиот. Ты считаешь, я так просто тут голышом ношусь?

– А… – протянул он.

– Что акаешь? Ты во всех кофрах смотрел?

– Зачем во всех? В нашем, к «Замку».

– Ну тупизм. – Я принялась отковыривать задвижки к кофрам с реквизитом к Шекспиру и к Кафке. Из четвертого кофра мы наконец выудили потерянные свистульки.

– Как они туда попали? – чесал за ухом Костик.

– Через жопу! – выступила я. От возмущения меня перекосило.

– Чего делать-то?

– Как чего? Тащи быстрее к духам.

– Так антракт-то уже закончился. Там народ сидит. Меня Сам убьет, – рыдал Костик. Мы с ним безнадежно опоздали.

– Так он не знает, что дудки потеряли? – ситуация становилась критической. Из-за сцены глухо раздавались звуки колокола. Дудкам необратимо пора было уже издавать свои запредельные звуки. Я знала, что вот прямо сейчас на наш замок светят теми самыми синими фильтрами, от которых появляется ощущение многовековой пыли. Сцену «Таинственный и ужасный дом» надо было спасать. Я перекрестилась, в охапку собрала эти палки и, молясь, чтобы получилось что-то подходящее, понеслась на сцену. Народ расступался, так и не понимая, что это я вытворяю. Я вспомнила, как мы шалили и дудели, когда эти штуки к нам только привезли. Надо дуть примерно так же, как в пивную бутылку.

– Да уж, гармонии не обещаю, но нечто потустороннее попытаюсь изобразить, – пробормотала я и, выдувая занудную тягомотину из трубок, притопывая и кружась, понеслась на сцену. Балахон развевался, волосы попадали в рот. В зале стояла нереальная тишина. Синие фильтры осветили меня, и я стала похожа на слетевшую с катушек старуху-смерть. Под замершее дыхание зрителей я доплясала до ступенек в зал. Синхронно с сильными ударами колокола, приплясывая, соскочила со сцены и докружилась, наконец, до духов.

– Спасибо, – прошипел мне кто-то из них на ухо. Я передала им дудки, они принялись в них дуть. Тут подключили фонограмму, и под уже настоящее безумие звуков я докружилась через весь зал до своего законного привиденческого места. Режиссер меня убьет, не сомневалась я. Однако по необъяснимым причинам зал вдруг разразился аплодисментами.

Потом, после спектакля, как раз в то время, когда я пряталась по темным углам, надеясь не встретиться ни с режиссером, ни с его женой, журналисты наперебой кричали, что находка с пляшущей ведьмой во втором акте гениальна. Просто-таки непередаваемый колорит, дрожь пробирала, когда они смотрели в мои мертвые глаза.

– Феерично!

– Только ВЫ с вашим глубоким видением могли найти такое решение этой сцены.

– Образ мечущегося духа в синем свете луны – гениально!

Короче, сказано было многое. И все по адресу режиссуры. То есть я своей выходкой не затмила его. Наверное, из-за этого было решено не жрать меня поедом, а даже наоборот, похвалить. Похвалить и позволить и в следующих спектаклях выскакивать в начале второго акта. И даже в паре мест первого. Короче, я получила эпизодическую роль, совершив таким образом качественный скачок из массовки в труппу. Прав был Парфенин. Неважно, с чего начинаешь, важно только то, что потом.

– Ты молодец. Смотрелась интересно! – подошел ко мне Артем. Артем! Он нечасто баловал меня своим вниманием. Не так часто, как я рассчитывала, когда он в темноте шептал мне на ухо всякие глупости типа:

– Ты прекрасна, таких больше нет. – Может, больше и нет, но с той ночи он в нашей лавочке появляться перестал. Декорации были закончены, дел у него здесь не осталось. Я тосковала, но молча, как будто боясь даже самой себе признаться в том, что тоскую.

«Он взрослый занятой человек, у него мало времени!» – утешала я себя.

«Он не звонит. Мог бы уж номер набрать!» – парировала моя истеричная часть.

«Тебя никогда нет дома. Куда ему звонить?»

«А в театр? Я же все время тут, и он это отлично знает».

«Ага, чтобы все и вся узнали о том, что между вами происходит».

«Да в том-то все и дело, что между нами ничего не происходит!» – плакала я дома тихонько. Подушка, моя преданная подруга, обнимала и утешала меня. Я закрывала глаза и представляла, что она – это он. Вот он лежит рядом и обнимает меня. Под эти сказки я засыпала, чтобы утром снова смотреть в сторону телефона. Но до самой премьеры он позвонил всего пару раз. Мы поболтали ни о чем, он спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.